

0-732896 - 1

На правах рукописи

ГАЛЕЕВА Эльмира Ракиповна

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА
В ТАТАРСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ
1920-1930-Х ГОДОВ**

10.01.02. – Литература народов Российской Федерации
(татарская литература)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань – 2003

Работа выполнена на кафедре татарской литературы Казанского государственного педагогического университета.

НАУЧНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ:

академик АН РТ, доктор филологических наук,
профессор *Хасанов Мансур Хасанович*

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

доктор филологических наук,
профессор *Мусин Флюн Муслихович*

доктор филологических наук,
профессор *Низматуллина Юлдуз Галимзяновна*

доктор филологических наук,
профессор *Амиров Раиф Кадимович*

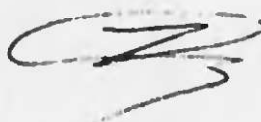
Ведущая организация Институт языка, литературы и искусства
им. Г.Ибрагимова АН РТ

Защита состоится 27 февраля 2003 г. в 14 часов на заседании диссертационного Совета Д 212.081.12 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Казанском государственном университете по адресу: 420008, ул. Кремлевская, 18, второй корпус, аудитория 1112.

С диссертаций можно ознакомиться в Научной библиотеке имени Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан 24 января 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного Совета,
доктор филологических наук,
профессор

Загидуллина Д.Ф.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Татарская литературоведческая наука входит в XXI век с большими научными достижениями, которые явились результатом творческого восприятия и развития литературно-критической и эстетической мысли предшествующих этапов. Однако само татарское литературоведение еще не явилось предметом специального исследования в системно-комплексном аспекте. Поэтому важное значение приобретает задача как дифференциального изучения отдельных этапов развития литературоведческой науки, так и выявления преемственности научной мысли. В эту задачу входит, в первую очередь, обстоятельное рассмотрение научного наследия отдельных крупных представителей татарского литературоведения, оценка и определение их вклада в современную науку.

Данная диссертация посвящена рассмотрению процесса развития татарского литературоведения 1920-х – первой половины 1930-х годов. На этом этапе татарская литературоведческая наука достигла значительного теоретического уровня развития, явившись новым этапом по отношению к научной мысли начала XX века (до революции 1917 года). В этот период активно развивалось творчество целого ряда выдающихся татарских ученых, некоторые из которых начали свою деятельность еще до Октябрьской революции. Это – Галимджан Ибрагимов, Габдрахман Сагди, Галимджан Нигмати, Джамал Валиди, Газиз Губайдуллин, Гали Рахим и др. Оценивая их труды, Ф.Галимуллин писал: «Добросовестные ученые-филологи и в 20-е годы стремились вести исследования объективно, основываясь на действительных научных фактах и выводах, без предложенной идеологической тенденциозности» [Галимуллин Ф. Пока мы не рождены... (Взгляд на литературное движение 1920-1930-х годов). – Казань: Татар. книжн. изд-во, 2001. – С.8]. Многие из этих ученых – люди драматической судьбы, оказавшиеся жерт-

вами террора 1930-х годов, погибли в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа. Мы считаем своим гражданским долгом раскрыть перед читателем глубину и перспективность их научных поисков. Все это требует нового подхода к изучению научно-критического наследия 1920-1930-х годов, объективного рассмотрения и оценки его с современных методологических позиций.

В этом заключается актуальность данного исследования.

История изучения вопроса. В своем исследовании мы опираемся на труды ученых Татарстана (Ахмадуллин А.Г. Татарская драматургия: Истоки и формирование социалистического реализма.— М.: Наука, 1983.— 265 с.; Его же: Фатхи Бурнаш.— Казань: Татар. книжн. изд-во, 1988.— 176 с.; Гайнутдинов М.В. Татарская литература зыбких времен (1917-1929).— Казань: Экоцентр, 2001.— 135 с.; Галиуллин Т.Н. По пути социалистического реализма.— Казань: Татар. книжн. изд-во, 1977.— 264 с.; Его же: Дыхание времени (Вопросы становления и развития социалистического реализма в татарской поэзии до 1941 года).— Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979.— 303 с.; Галимуллин Ф.Г. Эстетика и социологизм (Взаимоотношения эстетического и социологического в татарской литературе 20-30-х годов).— Казань: Магариф, 1998.— 222 с.; Его же: Пока мы не рождены... (Взгляд на литературный процесс 1920-1930 годов).— Казань: Татар. книжн. изд-во, 2001.— 302 с.; Гилязов Т.Ш. Основные тенденции развития татарской литературной критики в 20-30-е годы (Проблемы метода и героя): Дисс.... канд. филол. наук.— Казань, 1991.— 225 с.; Загидуллина Д.Ф. Литературные законы и время (Возникновение и этапы развития теории татарской литературы).— Казань: Татар. книжн. изд-во, 2000.— 271 с.; Магдеев М.С. Татарская советская литературная критика (1917-1932): Дисс.... канд. филол. наук.— Казань, 1964.— 324 с.; Мусин Ф. Из истории изучения стиля в татарском литературоведении и литературной критике / Метод, стиль, жанр.— Казань: Татар. книжн. изд-во, 1976.— С.77-103; Его же: Литературоведение и литературная критика / История татарской литературы в 6-ти томах. 4 том. Татарская советская литература. 1917-1941.— Казань: Татар. книжн. изд-во, 1989.— С.482-499; Салихов Р.Г. Герой и эпоха (концепция героя в татарском литературоведении).— Казань: Мастер Лайн, 1999.— 352 с.; Хайри Х.Ф. Пути развития татарской науки о литературе / Хайри Х. Родники творчества.— Казань: Татар. книжн. изд-во, 1976.— С.195-214; Халит Г.М. Проблемы творческого метода

в татарской литературе (1905-1932).— Казань: Татар. книжн. изд-во, 1967.— 417 с.; Его же: Герои, рожденные революцией: к проблеме героя и метода татарской советской литературы.— Казань: Татар. книжн. изд-во, 1967.— 230 с.; Его же: Поэзия дерзаний (Творчество Хади Такташа и вопросы метода, героя и стиля в татарской поэзии 20-х годов).— Казань: Татар. книжн. изд-во, 1980.— 160 с.; Его же: Незабываемые страницы татарского литературоведения / Халит Г. С любовью к человеку и действительности.— Казань: Татар. книжн. изд-во, 1975.— С.214-310 с.; Хасанов М.Х. Галимджан Ибрагимов.— Казань: Татар. книжн. изд-во, 1969.— 432 с.; Его же: Эволюция творчества Г.Ибрагимова в послеоктябрьский период: Дисс.... докт. филол. наук.— М., 1971.— 383 с.; Его же: Писатель, ученый, революционер: Страницы жизни и творчества Галимджана Ибрагимова.— М.: Наука, 1987.— 319 с.; Усманов Х.У. Татарская поэзия в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны.— Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1960.— 180 с.; Его же: Первые шаги татарской советской литературной науки // Совет әдәбияты.— 1960.— №7.— 134-143 с.; Его же: Татарская поэзия двадцатых годов.— Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964.— 395 с. и др.; Юзиев Н.Г. Гармония стиха. Поэтика татарского стиха.— Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972.— 220 с.; Его же: Современная татарская поэтика. Введение в теорию поэзии.— Казань: Татар. книжн. изд-во, 1973.— 351 с. и др.).

Перечисленные работы можно разделить на две группы. В первую группу входят труды, непосредственно касающиеся литературоведческой науки 1920-1930-х годов (Галимуллин Ф., Гилязов Т., Загидуллина Д., Магдеев М., Хайри Х., Хасанов М.). В большей части указанных работ состояния литературоведения 1920-1930-х годов авторы касаются в связи с решением отдельных проблем (творческого метода, стиля писателя, жанров драматургии и поэзии, концепции героя в татарской литературе и т. д.).

Отметим некоторые вехи развития татарской научной мысли относительно изучения и оценки литературы и литературоведения 1920-1930-х годов.

Попытки найти новые методологические подходы к решению этих проблем намечаются в 1960-1970-е годы. В работах Х.Усманова этого периода дается высокая оценка татарскому литературоведению 1920-х годов, обращается особое внимание, как на положительный фактор, на разработку философско-эстетических про-

блем, проблем художественного метода. При изучении татарской поэзии 1920-х годов Х.Усманов зачастую обращается к работам Г.Сагди, Г.Нигмати, использует их отдельные положения при изложении своей концепции.

При решении проблем литературоведческой науки (метода, стиля, героя) Г.Халит опирается на положительный опыт художественной практики и научно-критических статей 1920-1930-х годов. Пристальное внимание обращается им на творчество Г.Ибрагимова.

М.Хасанов в своей монографии о Г.Ибрагимове на широком фоне научно-культурной жизни 1920-1930-х годов освещает весь творческий путь Г.Ибрагимова – писателя, ученого и общественного деятеля. Он показывает роль Г.Ибрагимова как руководителя Академцентра при Наркомпросе Татарской Республики.

Заслуга М.Магдеева в том, что в трудах 1970-х годов он дал довольно объективную положительную оценку творчеству многих реабилитированных татарских литературоведов и критиков.

Х.Хайри использовал термин «культурно-историческая школа» применительно к татарскому литературоведению и подчеркнул необходимость изучения различных этапов татарского литературоведения в тесной связи с различными научными школами России и Западной Европы.

Н.Юзиев в своих исследованиях по татарской советской поэзии обращается к трудам по поэтике татарских ученых 1920-1930-х годов, активно используя их теоретические положения и конкретные наблюдения над текстами.

В своих литературоведческих трудах ученые А.Ахмадуллин, Т.Галиуллин, Ф. Мусин, изучая тенденции развития татарской драматургии, поэзии, литературоведения и литературной критики 1920-1930-х годов, активно привлекают и анализируют богатый литературно-критический, литературно-теоретический и фактический материал тех лет. Они исследуют научно-критический материал 1920-1930-х годов в плане освещения в нем проблем метода в драматургии (А.Ахмадуллин), проблем метода в поэзии (Т.Галиуллин), теоретических проблем стиля, метода, жанра и др. (Ф.Мусин).

В 1980-е годы значительный материал по проблемам развития отдельных жанров, методов и стилей в литературе 1920-1930-х годов сосредоточен в книге «История татарской литературы» (в 6-ти

томах, том 4. – Казань: Татар. книжн. изд-во, 1989), в разделах, написанных, Х.Усмановым, М.Хасановым, Н. Юзиевым, А.Ахмадуллиным, Т.Галиуллиным, Ф. Мусиным, Н. Гиззатуллиным, А.Нигматуллиным, Ф.Ибрагимовой, Г.Мухамедовой, З.Рамеевым, Н.Ханзафаровым, Ф.Ганиевой, Р.Мухамадиевым, Э. Бариевой и др.

В 1990-е годы в связи с начавшейся резкой критикой социалистического реализма усилилась негативная оценка литературоведческих трудов 1920-1930-х годов.

Постановка АН РТ во главе с М.Хасановым проблем Возрождения татарской культуры в XX веке стимулирует новый подъем интереса к актуальным проблемам науки 1920-1930-х годов. Многие работы М.Хасанова стали методологически значимыми в нашем исследовании (Хасанов М. Некоторые методологические вопросы изучения истории татарской литературы // Казан утлары. – 1992. – №1. – С.141-146; Наука Татарстана уверенно входит в XXI век / Академия наук Республики Татарстан. – Казань: Фэн, 2002. – С.5-14; Единство татарской нации // Мирас. – 2002. – №9. – С.36-42). Исследования А.Ахмадуллина (Вопросы изучения истории татарской драматургии, 1994; На пути нового преподавания литературы, 1996; Некоторые теоретико-методологические принципы изучения истории татарской литературы, 1998 / Ахмадуллин А. Горизонты творчества. – Казань: Татар. книжн. изд-во, 2002), Т.Галиуллина (Такташ и татарская поэзия двадцатых годов / Галиуллин Т. Претензия. – Казань: Татар. книжн. изд-во, 1995. – С.232-240; Вопросы нового подхода к татарской поэзии // Магариф. – 1996. – №7. – С.14-19; Татарская поэзия двадцатых годов // Мирас. – 1997. – №5. – С.5-27; Татарская поэзия тридцатых годов // Мирас. – 1997. – №11. – С.34-52; Национальное самосознание и поэзия // Мирас. – 1998. – №2. – С. 48-51), Ф.Мусина (Изучение истории литературы по новому // Мирас. – 1992. – №5. – С.12-16; Литературоведение и литературная критика // Мирас. – 1996. – №12. – С.37-47; История татарской литературы и время // Мирас. – 1997. – №1-2. – С.18-29; Вступая в третье тысячелетие // Мирас. – 2000. – №3. – С.12-21) являются большим подспорьем в разработке поставленной нами проблемы. В них содержатся новые подходы к изучению и оценке истории татарской литературы, в том числе научно-критической мысли вообще, в частности – 1920-1930-х годов. В монографиях Галимуллина Ф., Салихова Р., Загидуллиной Д. наблюдается стремление объективно оценить творчество ученых-литературоведов, критиков 1920-х

годов. В этих исследованиях обращается внимание на проявления вульгарного социологизма в литературоведении этого времени, зачастую преувеличивая его. Как справедливо отметил М.Хасанов в своей статье «Некоторые методологические вопросы изучения истории татарской литературы», «сейчас нам многое следует переосмыслить, изучить и оценить по новому, на объективно научной основе» (с.141).

Мы считаем, что при оценке литературно-научного и научно-критического наследия 1920-1930-х годов в первую очередь должен учитываться вклад ученых в науку, а не проявления исторически объяснимой ограниченности, которые неизбежны на любом этапе развития литературоведения. Главным является определение места татарской литературоведческой науки в истории развития общероссийской, общеевропейской науки, приобщенности ее к ведущим научным школам России, Европы. Мы стремимся доказать, что большим научным достижением в татарском литературоведении 1920-х – первой половины 1930-х годов является формирование и развитие в нем культурно-исторической школы. Мы согласны с мнением тех российских ученых (Баршт К. Русское литературоведение XX века: В 2-х ч. – СПб.: РГПУ им. А.И.Герцена, 1997. – Ч.1. – 336 с.), которые считают, что культурно-историческая школа продолжает развиваться в XX веке под другими названиями (историко-литературное направление, марксистское литературоведение и др.).

Предмет, цель и задачи исследования. Предметом исследования данной диссертации является процесс развития татарской научно-критической мысли 1920-х – первой половины 1930-х годов. Целью нашего диссертационного исследования является не констатация, не только доказательство того, что культурно-историческая школа имела место в татарском литературоведении, но и выявление потенциально заложенных в науке того времени идей будущих научных открытий, научных концепций.

Цель исследования обусловила постановку следующих задач:

- раскрытие специфики развития основных принципов культурно-исторической школы в татарском литературоведении в 1920-1935-е годы;

- выявление источников формирования культурно-исторической школы в татарской науке;

- рассмотрение взаимодействия и роли двух основных ориентаций (русско-европейской и восточной) в развитии культурно-исторической школы в татарском литературоведении;

- выяснение принципов культурно-исторической школы и марксистской идеологии в их взаимоотношениях, изучение разных вариантов и уровней этой связи; определение национального своеобразия татарской культурно-исторической школы, ее комплексной природы, интегрировавшей различные аспекты изучения литературы;

- анализ основных трудов, статей татарских критиков и литературоведов изучаемого периода с целью выявления научной проблематики культурно-исторической школы;

- осмысление методологических принципов и методики анализа литературного процесса и творчества отдельных писателей ведущими татарскими литературоведами;

- характеристика вариантов развития принципов культурно-исторической школы в исследовании проблем метода, направления, стиля, психологии творчества;

- анализ концепции истории татарской литературы;

- оценка теоретических положений отдельных исследователей (Г.Ибрагимова, Г.Сагди, Г.Нигмати, Дж.Валиди, Г.Губайдуллина, Г.Рахима и др.);

- определение роли культурно-исторической школы в развитии татарского литературоведения.

Научная новизна заключается в том, что в диссертации впервые рассматривается вопрос о формировании литературоведческой научной школы; национальная литературно-исследовательская мысль 1920-х – первой половины 1930-х годов осмысливается как процесс формирования культурно-исторической школы. Вводится само понятие культурно-исторической школы по отношению к татарской литературоведческой науке данного периода. Рассматриваются условия формирования и развития этой школы в татарской науке, ее национальные, русско-европейские и восточные истоки. Освещается вопрос о двух основных ориентациях, направлениях развития научной мысли: восточной и русско-европейской в их взаимодействии в конкретной литературоведческой практике, дается систематизация и классификация основной литературоведческой проблематики, разрабатываемой учеными 1920-х – начала 1930-х годов, и доказывается решение этой проблематики в духе культур-

но-исторической школы. Вместе с тем сопоставление развития культурно-исторической школы в русской, западноевропейской науке и в татарской позволило выявить национальные особенности татарского литературоведения и факторы, их обуславливающие. Впервые в татарской литературоведческой науке конкретно, детально рассмотрена сама методика анализа художественного произведения, творчества писателя в целом, творческого процесса на примере работ двух крупнейших татарских ученых – Г.Нигмати, Г.Сагди, представляющих в научном творчестве две ориентации в развитии татарского литературоведения: западноевропейскую (Г.Нигмати) и восточную (Г.Сагди). В диссертационной работе более полно представлены и анализы историко-литературной концепции таких ученых, как Дж.Валиди, Г.Губайдуллин, Г.Рахим и показан их вклад в науку. В работе огромный массив фактического материала впервые рассматривается сквозь призму методологии культурно-исторической школы.

Источники. Источниковедческой базой диссертационного исследования послужили материалы татарской периодической печати 1920-1930-х годов (газеты: «Эш», «Эпче», «Татарстан», «Татарстан хәбәрләре», «Кызыл Татарстан», «Кызыл байрак», «Безнең байрак», «Кызыл яшьләр», «Кызыл Шәрәкь яшьләр», «Октябрь яшьләр», «Знамя революции», «Известия ТатЦИКа» и др.; журналы: «Авыл яшьләр», «Шәрәкь кызы», «Безнең юл», «Мәгариф», «Яналиф 1», «Яналиф 2», «Атака», «Совет әдәбияты», «Вестник научного общества татароведения» и др.); монографии, книги (Баттал Г. Казанские тюрки. – Стамбул, 1925 (Казань, 1996); Гали Г. В борьбе за пролетарскую литературу. – Казань, 1931; Вали Х. Татарское стихосложение (Метрика. Часть 1.). – Казань, 1929; Его же: Механизм литературных типов (Часть 1). – Казань, 1929; Валиди Дж. Очерки истории образованности и литературы татар (до революции 1917 года). – М.-Пг., 1923; Газиз Г., Рахим Г. История татарской литературы. Древний период. Т.1. Часть 1-3. – Казань, 1922-1925; Ибрагимов Г. Вопросы орфографии, языка, литературы. – Казань, 1924; Его же: О пролетарской литературе. – М., 1924; Его же: По какому пути пойдет татарская культура? – Казань, 1927; Казанлы Фатих-Сайфи. О двух татарских классиках. – Казань, 1929; Магдеев М. Театр. – Казань, 1932; Муртазин-Иманский В., Ченакай Т. Из истории татарского театра. – М., 1926; Муртазин С. Художественная литература в годы гражданской войны. – Казань,

1932; Наум Х. Диалектический материализм. – Казань, 1926; Нигмати Г. На арене литературы. – М., 1925; Его же: О коммунизме. – М., 1925; Его же (в соавторстве с Хасановым Х.): 1905 год. – М., 1926; Его же: М.Горький. Жизнь, борьба и творчество. – Казань, 1928; Его же (в соавторстве с Шарафутдиновым С., Мухамметовым М.): Обществоведение. – Казань, 1928; Его же: Наша литература в годы революции. – М., 1929; Его же: Литература и жизнь (Вопросы литературоведения. Критика). – Казань, 1931; Сагди Г. Язык, литература, письменность в человеческом обществе и их историческое развитие. – Казань, 1926; Его же: История татарской литературы. – Казань, 1926; Его же: Наша литературная критика. – Казань, 1927; Его же: Педагогические мысли Востока. Опыт исследования. – Казань, 1927; Его же: Татарская литература в эпоху диктатуры пролетариата (вместо второй части «Истории татарской литературы»). – Казань, 1930; Его же: О символизме. – М., 1932; Тулумбайский Г. Фронт художественной литературы. – Казань, 1926; Его же: Тукай и народная литература. – Казань, 1930), сборники (Сборник Каюма Насыри (Подготовлен Татарским Академцентром). – Казань, 1922; Неопубликованные произведения Каюма Насыри и материалы его столетнего юбилея (Подготовил Г.Рахим). – Казань, 1926; Галимджан Ибрагимов (Сборник, посвященный двадцатилетию литературной, научной, общественной деятельности. Составители: Сагди Г., Бурган С., Нигмати Г.). – Казань, 1928; Татарский театр (1906-1926). Составители: Парсин М., Мутин М., Баязитский З. – Казань, 1926; Литература за пять лет (К пятилетию Татарской Советской Социалистической революции) (1920-1925). – Казань, 1925; Татарская художественная литература за десять лет (1920-1930). Составители: Нигмати Г., Гали Г., Наджми К. – Казань, 1930; 1905 год. – М., 1931), составленные татарскими литературоведами и критиками в 1920-1930-е годы и напечатанные в те годы в различных издательствах Казани, Москвы и др. и сохранившиеся в настоящее время в фондах научной библиотеки им. Н.Лобачевского Казанского государственного университета, Казанского государственного педагогического университета, Национальной библиотеки Республики Татарстан, Центральной государственной библиотеки России в Москве, а также труды татарских ученых, увидевшие свет в 1920-е годы за рубежом и переизданные в последнее время у нас в республике, в которых рассматриваются вопросы теории и истории литературы, анализиру-

ются творчество отдельных татарских писателей; а также **сборники статей, избранные труды, многотомники** татарских писателей, литературоведов и критиков, творивших в 1920-1930-е годы, изданные в последующие годы (начиная с 1960-х годов по наши дни) и включившие в себя их работы, относящиеся к 1920-1930-м годам; **статьи** татарских авторов, в которых затрагивались дискуссионные проблемы, методические статьи, рецензии, книжные новинки, библиография, хроника литературной жизни, партийные документы, постановления по вопросам литературы и искусства, переводы трудов русских и зарубежных литературоведов критиков на татарском языке, опубликованные в татарской периодической печати 1920-х годов, в органах национальной периодики; **материалы архивов:** Национального архива, Центрального государственного архива Республики Татарстан, а также архивов Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ, Казанского государственного педагогического университета, семейных архивов отдельных татарских ученых-литературоведов и критиков. Большое количество материалов периодической печати и архивов вводится в научный оборот впервые.

Как источники привлечены также **научные тексты философов и литературоведов** Архангельского А., Буслаева Ф., Венгерова С., Веселовского Александра Николаевича, Галахова А., Гюйо М., Когана П., Луначарского А., Овсянко-Куликовского Д., Плеханова Г., Потебни А., Пыпина А., Переверзева В., Сакулина П., Тихонравова Н., Тэна И., Фриче В., Щюккинга Л. и других, труды которых в той или иной степени помогают осмыслить проблемы культурно-исторической школы.

Теоретические, методологические и методические основы исследования. Теоретической основой диссертации являются **работы по освещению принципов культурно-исторической школы** (Николаев П., Курилов А., Гришунин А., Крупчанов Л., Горский И., Марди М., Баландин А., Осьмаков И., Баршт К., Ганиева Р., Загидуллина Д. и др.), а также **работы, посвященные отдельным теоретическим проблемам литературоведения: проблемам метода, стиля, жанра, литературного направления** (Ахмадуллин А., Волков И., Галимуллин Ф., Галиуллин Т., Ганиева Р., Голубков М., Ермилова Е., Иезуитов А., Ильин И., Кадыров О., Лосев Г., Маркевич Л., Мусин Ф., Нигматуллина Ю., Нуруллин И., Пospelов Г., Сахапов М., Сверигин Р., Соколов А., Усманов Х.,

Фрейденберг О., Хализев В., Халит Г., Хасанов М., Хатипов Ф., Хисамов Н. и др.), **философии и психологии художественного творчества** (Бахтин М., Белинский В., Боров Ю., Выготский Л., Гегель Г., Кант И., Лотман Ю., Манн Ю., Мейлах Б., Нигматуллина Ю., Потебня А., Тэн И., Храпченко М., Чернец Л., Юзиев Н. и др.), **работы о национальном своеобразии литературы** (Ганиева Р., Гачев Г., Кадыров О., Миннегулов Х., Нигматуллина Ю., Нигматуллин Э., Саяпова А., Сибгатуллина А. и др.).

В диссертации использован ряд трудов по методологии литературоведения: исследования о системно-комплексном методе, о принципе историзма, о сравнительно-типологическом методе исследования, работы по функциональному подходу к изучению литературоведения (Алексеев М., Афанасьев В., Боров Ю., Дюришин Д., Конрад Н., Неупокоева И., Нигматуллина Ю., Николаев П., Марков Ю., Хасанов М., Храпченко М., Яхин А. и др.).

В основу данного диссертационного исследования положены системный, системно-комплексный, сравнительно-типологический методы, а также использованы историко-хронологический принцип, элементы функционального подхода. Системность данного диссертационного исследования проявляется в том, что литературоведение и критика 1920-х – первой половины 1930-х годов рассматривается как единая сложная динамическая система, включающая в себя разнородный материал, подчиненный неким общим принципам (принципам культурно-исторической школы), имеющая свою фазу возникновения, кульминации развития и кризиса (упадка). При этом одни и те же принципы культурно-исторической школы рассматриваются на разных уровнях и вариантах.

Сравнительно-типологический подход выражен в том, что работу от начала до конца пронизывает сопоставление татарского литературоведения с русско-европейской культурно-исторической школой. В работе постоянно идет сопоставление концепции методик ученых тех лет внутри самого татарского литературоведения.

Функциональный подход выражен в двух аспектах: во-первых, в диссертации рассматривается реальная жизнь той или иной научной работы (в эпоху, когда эта работа была создана; рецензии на нее, отклики, дискуссии по поводу и т.д.), намечен второй аспект: рассмотрение дальнейшей эволюции принципов культурно-исторической школы на следующих этапах развития татарской литературоведческой науки.

Историко-хронологический принцип выражен в рассмотрении движения литературной мысли начала XX века, 1920-1930-х годов (первая половина) в эволюции, в сменяемости этапов развития.

Методическая сторона работы характеризуется тем, что отдельные разделы диссертации носят проблемно-постановочный характер, так же как в науке того времени, другие – обзоры творчества крупных ученых; труды в целом по какой-то одной проблеме; очерки творчества (мини-монографии) отдельных представителей культурно-исторической школы. И, последнее: в самой методике есть исследование методики отдельных ученых, приемов анализа, методики творческой работы исследуемых авторов.

Практическая значимость исследования. Практическая ценность работы состоит в том, что материалы диссертации и полученные результаты могут быть использованы: при написании истории татарского литературоведения, в разработке общих и специальных курсов по истории татарской литературы и критики XX века, при составлении учебников, томов по истории татарской литературы, при составлении спецкурса о научных школах русского и татарского литературоведения, а также спецкурсов по монографическому изучению творчества отдельных крупных татарских ученых-литературоведов, критиков. Работа может быть использована также на занятиях по теории литературы в высших, средних учебных заведениях, школах, при подготовке специалистов-литературоведов, учителей школ и вузов.

Апробация работы. Материалы диссертации, ее основные научные результаты нашли отражение в докладах, сделанных автором на международной тюркологической конференции в Челябинске (1995), на международной конференции, посвященной 125-летию Казанского государственного педагогического университета (2001), а также на многочисленных научно-теоретических конференциях, проводимых Казанским государственным педагогическим университетом, Казанским государственным университетом, Институтом языка, литературы и искусства имени Г.Ибрагимова АН РТ.

Материалы диссертации использованы в докладах по вопросам преподавания татарской литературы, по случаю юбилеев известных татарских писателей, ученых, критиков, с которыми автор неоднократно выступала перед учителями и учениками старших классов в период работы в качестве научного консультанта

по татарскому языку и литературе в школе-гимназии №8 города Казани (с 1995 года).

По теме диссертации опубликованы одна монография (22,5 п.л.) и 17 статей в сборниках и журналах общим объемом 14 п.л. (см. Библиографическую справку в конце автореферата).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и научной литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы актуальность и новизна изучаемой темы; определены предмет, цель и задачи, теоретическая и методологическая установки исследования; дан краткий анализ научной литературы по теме; определены источники; обозначены научно-практическая значимость и структура диссертации.

Первая глава: «Понятие научной школы. Основные принципы культурно-исторической школы. Источники культурно-исторической школы в татарском литературоведении 1920-1930-х годов». Под научной школой подразумевается возникшее в определенный исторический период научное направление, объединяющее ученых, близких по теоретическим, методологическим принципам исследования, разрабатывающих определенные общие проблемы. Это – исторически подготовленное предыдущими этапами научного развития единство группы ученых, придерживающихся общих теоретических принципов.

Научная школа обычно образуется в результате объединения ученых вокруг одного или нескольких лидеров. Функцию лидера может выполнять также крупная научная организация или научно-педагогическое учреждение. В татарской науке это – Академический центр, возникший в 1920-е годы в Казани (1921-1933). Академцентр был основан решением правительства Татарской республики при Народном комиссариате просвещения с целью обеспечения развития национальной культуры, науки, просвещения на основе единой программы и координации этой работы. До 1925 года председателем Академического центра был Гаяз Максудов, с 1925 по 1927 годы – Галимджан Ибрагимов, который привлек к

деятельности Академцентра ведущих ученых города Казани: историков, археологов, этнографов, литературоведов, языковедов, фольклористов, искусствоведов, установил связи со многими научными организациями Москвы, Ленинграда (См. об этом книгу М.Хасанова «Писатель, ученый, революционер», М., Наука, 1987). Основные научные силы Татарского Академцентра (Г.Нигмати, Г.Сагди, Дж.Валиди, Г.Губайдуллин, Г.Рахим и др.) одновременно являлись преподавателями факультета татарской филологии Восточного педагогического института.

В этот период татарскими литературоведами было создано множество теоретико-литературных, историко-литературных, литературно-критических работ, не потерявших научно-практической ценности и поныне. Можно говорить о формировании в 1920-е годы татарского академического литературоведения (в его первоначальном варианте), приступившего к изучению основополагающих проблем литературоведческой науки, и, таким образом, взявшего курс на фундаментальные исследования.

Функционирование научных школ — важный фактор для сохранения преемственности традиций разных эпох. Национальные научные школы — органическая часть общемирового научного процесса.

Сам фактор возникновения научных школ обнаруживает двойственную «природу» субъекта научного творчества: с одной стороны, он является частью единства, не знающего национальных границ, с другой — связан с исторически возникшей и развивающейся культурой своего народа.

Вслед за Аршавским И.А. (Аршавский И.А. Школа как исследовательский коллектив // Школы в науке. — М.: Наука, 1977. — С.275) мы считаем, что научная школа может возникнуть и в том случае, когда ученые разрабатывают по-новому, в новом теоретическом аспекте старые проблемы. Это положение особенно важно для понимания своеобразия культурно-исторической школы в татарской литературоведческой науке изучаемого периода. Формирование ее произошло не как подражание культурно-исторической школе в западноевропейской и русской науке, а как исторически подготовленное, имеющее национальную базу для своего развития явление, поэтому общие теоретические положения, постулаты западноевропейской и русской культурно-исторической школы

трансформировались в татарской науке соответственно ее национальным задачам.

Основоположником культурно-исторической школы, как известно, является французский ученый И.Тэн, идеи которого получили широкое развитие и в Западной Европе, и в России (Ф.Брюнетьер, П.Лакомб, Ж.Ренар, К.Лампрехт, Г.Гетнер, В.Шерер, Г.Брандес, Ф. Де Санктис, А.Н.Пыпин, Н.С.Тихонравов, Н.А.Котляревский, Александр Николаевич Веселовский, Н.И.Стороженко, С.А.Венгеров, А.А.Шахов, П.С.Коган и др.).

И.Тэн в своих трудах [История английской литературы (1863-64), Философия искусства (1865-69), Критические опыты (1869), Об уме и познании (1870), О методе критики и об истории литературы (1870)] выделяет три основных фактора, которые оказывают влияние на развитие литературы, и которые необходимо учитывать при анализе художественного произведения: 1) «раса», или национальные особенности отдельного народа; 2) «среда», или климатические, географические, общественно-политические условия жизни народа; 3) «момент», т.е. конкретные условия, в которых возникло произведение, личностные качества писателя, его биографические данные, культурно-исторический фон эпохи и т. д. В ряде случаев это — и конкретные факты, причины, повод, толкнувшие писателя к созданию произведения.

Рассмотрение литературы как органической части культуры народа и ее исторического развития в свете указанных Тэном факторов и дало основание для определения этой научной школы как культурно-исторической.

В России представителями культурно-исторической школы считаются такие ученые, как А.Н.Пыпин, Н.С.Тихонравов, П.П.Печкарский, Александр Николаевич Веселовский, Н.И.Стороженко, С.А.Венгеров, А.А.Шахов, П.С.Коган и др.

Культурно-историческая школа стала источником для возникновения в дальнейшем новых научных направлений и школ: психологической школы (С.Жирарден, Э.Эннекен, Д.Н.Овсянко-Куликовский, А.Г.Горнфельд, В.И.Харциев, Т.Райнов, Б.А.Лезин и др.); социологического направления (Ф.Меринг, Г.В.Плеханов, А.В.Луначарский, В.В.Воровский, В.М.Фриче, П.Н.Сакулин, Н.В.Пиксанов и др.), формальной школы, развивающейся в полемике с культурно-исторической школой (В.Б.Шкловский, Б.М.Эйхенбаум, Ю.Н.Тынянов, В.М.Жирмунский, Б.В.Томашевский и др.).

Как утверждает современная наука (Литературная энциклопедия терминов и понятий.— М.: Интелвак, 2001.— С.425), многие представители этих школ (М.Н.Сперанский, М.Н.Розанов, П.Н.Сакулин, Н.К.Пиксанов) оставались до середины 1920-х годов на позициях культурно-исторической школы. А в дальнейшем они старались соединить принципы культурно-исторической школы с марксизмом, приспособить их к новым идеологическим условиям.

Культурно-историческую школу отличает системный подход к искусству: во первых, установление связи искусства с другими факторами культурно-исторической жизни — духовной жизни общества; художественное произведение рассматривается как результат единства и взаимодействия разнородных факторов (культурно-исторических, национальных, личностных), во-вторых, определяется типологический признак, общий для произведения искусства и этих факторов.

Представители татарской культурно-исторической школы в совокупности разнородных факторов особо акцентировали функциональные связи между литературой и другими явлениями культурной жизни, например, литературой и образованием, литературой и языковой политикой, литературой и религией и т.п. В татарской науке, как и в русском литературоведении, в русской культурно-исторической школе начала XX века, большое внимание уделяется идеологическим факторам, особенно в связи с усилением влияния марксистской идеологии. По мере абсолютизации принципа классовой борьбы в 1930-е годы, понимаемого как главенствующий фактор в историческом развитии, нарушается принцип системности, присущий культурно-исторической школе, начинается кризис культурно-исторической школы. Однако дальнейшая литературно-художественная практика показала, что для подлинно научного изучения литературы плодотворным был путь, заложенный Г.Ибрагимовым, Г.Нигмати, Г.Сагди, Дж. Валиди, Г.Рахимом, Г.Газизом и многими другими учеными, представителями татарской культурно-исторической школы.

В татарское литературоведение термин «культурно-историческая школа» впервые вводится в книге Г.Нигмати «Литература и жизнь» (1931). Позднее, в 1970-е годы о необходимости конкретного изучения наследия культурно-исторической школы наряду с другими школами в татарском литературоведении пишет Х.Хайри (Х.Хайри. Пути развития татарской литературоведческой науки //

Родники творчества.— Казань: Татар. книжн. изд-во, 1975.— С.195-214). Этот термин используется Р.Ганиевой в ее статьях, посвященных творчеству татарского поэта Н.Думаи (Ганиева Р. Наджип Думаи // Наджип Думаи. Страницы жизни.— Казань: Татар. книжн. изд-во, 1985.— С.5-23; Ее же: Наджип Думаи: Восток или Запад? // Казан утлары.— 1993.— №8.— С.178-182). В 1997 году М.Хасанов в докладе, посвященном 100-летию известного татарского ученого Г.Нигмати, подчеркивает роль ученого как основоположника культурно-исторической школы в татарском литературоведении. Термин «культурно-историческая школа» употребляется также и в книге Д.Загидуллиной «Литературные каноны и время» (Казань: Татар. книжн. изд-во, 2000).

Культурно-историческая школа в татарском литературоведении возникает на национальной исторической основе. Она широко использовала опыт художественной литературы, критики и литературоведческой мысли начала XX века (Г.Тукай, Ф.Амирхан, Г.Ибрагимов, Г.Исхаки, Н.Думаи, Г.Сагди, Г.Баттал, Дж.Валиди, Н.Халфин и др.). На этом этапе были заложены отдельные элементы, которые потом развивались в 1920-1930-е годы, о чем подробно рассказано в монографии Д.Ф.Загидуллиной (Литературные каноны и время.— Казань: Татар. книжн. изд-во, 2000). Источником формирования культурно-исторической школы в татарском литературоведении являются также труды русских и западноевропейских литературоведов. Во второй главе диссертации рассматривается ориентация ее на западноевропейскую и русскую науку. В трудах татарских ученых-филологов, некоторых татарских писателей начала XX века возникли отдельные проблемы, подходы, были заложены принципы культурно-исторической школы, но само формирование, становление ее происходило после Октябрьской революции, когда созрели необходимые объективные условия для возникновения научной школы.

Во второй главе, названной «Русско-европейская и восточная ориентации в татарском литературоведении 1920-1930-х годов», рассматривается влияние западноевропейской, русской, восточной литературно-критической мысли на формирование культурно-исторической школы в татарском литературоведении на примере анализа научного наследия Г.Ибрагимова, а также трудов Г.Нигмати, Г.Сагди.

Г.Ибрагимов, руководитель Татарского Академического центра, известный татарский писатель, крупный ученый-филолог, ученый-историк, ученый-педагог, государственный и общественный деятель, одним из первых формулирует теоретические принципы культурно-исторической школы, хотя эти принципы он называет марксистскими (Пояснение, 1921; Третья эпоха в татарской литературе (Постарайтесь понять!), 1922; Три эпохи в истории татарской литературы (Пути «понимания»), 1922; Марксистский метод в изучении истории общественных, литературных движений, 1922; Материалы к истории татарской литературы, 1923; На пути изучения татарской литературы, 1923 и др.).

Самым первым пунктом в статье «Марксистский метод в изучении истории общественных, литературных движений» Г.Ибрагимов обозначил следующее основное положение культурно-исторической школы: «Как растение созревает в определенных климатических условиях и как из корня вырастает растение, из зерна вырастают стебель, листья, цветы, подобным образом, наука, философия, искусство, литература, религия, культура возникли на почве определенной эпохи, на общественной и экономической основе определенного исторического времени» (Ибрагимов Г. Марксистский метод в изучении истории общественных, литературных движений / Ибрагимов Г. Избранные произведения в 8-и томах. — 5 том. — Казань: Татар. книжн. изд-во, 1978. — С.336-337). Вспомним, как И.Тэн выдвинул методологическое уравнение: в искусстве «цвет» соответствует «растению», «растение» — «зерну» (Академические школы в русском литературоведении. — М.: Наука, 1975. — С.172). По мнению Г.Ибрагимова, при изучении истории литературного развития целесообразно брать в расчет социально-экономическую основу общества, в котором идет это развитие. «Литература, философия, наука, религия, мораль — словом, все надстроечные явления не возникают неизвестно откуда, не являются выдумкой отдельного гения. Их смысл, основное направление и содержание — это лишь цветы, которые выросли на материальной общественной почве в определенный исторический период» (Ибрагимов Г. Марксистский метод в изучении истории общественных, литературных движений / Ибрагимов Г. Избранные произведения в 8-и томах. — 5 том. — Казань: Татар. книжн. изд-во, 1978. — С.336). Все эти положения культурно-исторической школы не

противоречили марксистско-ленинскому учению о литературе и искусстве.

В статьях «Третья эпоха в татарской литературе (Постарайтесь понять!)» (1922), «Три эпохи в истории татарской литературы (Пути «понимания»)» (1922), «Марксистский метод в изучении истории общественных, литературных движений» (1922) Г.Ибрагимов предложил деление истории татарской литературы на следующие три периода: 1) **древне-кадимистская литература, древне-восточная кадимистская эпоха** («кадим әдәбият», «борынгы-кадим шәрекь әдәбияты», «борынгы шәрекь дәвере — кадим дәвере»). Первая эпоха, по его мнению, начинается с падения Казанского ханства (XVI век) и продолжается до второй половины XIX века. Основываясь на данных тогдашней историко-литературной науки, Г.Ибрагимов ошибочно полагал, что от Волжско-Булгарского государства, Золотой Орды и Казанского ханства не осталось ни литературных произведений, ни достоверных записей. К этому периоду он относит имена У.Имяни, И.Салихова, Г.Чокрый, А. Каргалы, А.Уразаева, Г.Кандалыя, Ш.Суфи. 2) **Джадидистская литература** («жәдит әдәбият»), **развивающаяся под сильным влиянием русско-европейской культуры** («яңа, европалашу, Европа мәдәниятен алу, урнаштыру дәвере»), **литература эпохи пробуждения** («уяну, уйгану»), **обновления** («яңару»). По мнению Г.Ибрагимова, вторая эпоха начинает складываться со второй половины XIX века. Он называет имена Г.Курсави, Ш.Марджани, К.Насыри, М.Акъегетзаде, З.Бигиева, З.Хади, Р.Фахретдинова, С.Максуди, Ф.Карими, Г.Исхаки, М.Гафури, Дердменда, Г.Камала, Г.Ибрагимова, Г.Газиза, Г.Рахима, Дж. Валиди, Ф.Амирхана, Г.Тукая, Я.Вали, С.Рамиева, С.Сунчалая, З.Башири, Н.Думаи, М.Укмаси и мн др. 3) **Литература нового времени, развивающаяся после Февральской, Октябрьской революции 1917 года** (Ф.Бурнаш, К.Амири, А.Сагиди, Ч.Самави, С.Кудаш, Ш.Бабич, Ш.Усманов, Ф.Сайфи-Казанлы и мн др.).

Как видим, в этой периодизации нет деления на исторические периоды по классовому признаку. Г.Ибрагимов учитывает совокупность многих факторов: отражение экономического состояния, идеологии, общественного сознания, общественной психологии. Фактически это означало обращение внимания Г.Ибрагимовым на среднее звено в формуле Тэна «раса — среда — момент»,

т.е. на специфику отражения в литературе духовной атмосферы общества.

Во второй половине 1920-х годов эти принципы трансформировались с учетом требований классового подхода к литературе. При определении отдельных литературных этапов подчеркивалась социально-классовая основа развития литературы. Три периода татарской литературы Г.Ибрагимов определял как эпоху феодализма, капитализма, социализма.

В 1920-е годы указанные Г.Ибрагимовым принципы воспринимаются многими татарскими литературоведами как теоретические установки. Однако безоговорочного принятия их не было. По поводу некоторых из них возникали дискуссии. Об этом свидетельствует, например, дискуссия, возникшая между Г.Ибрагимовым и Дж.Валиди на страницах газет «Известия Татарстана», «Татарстан» в 1922 году и продолжавшаяся в 1923 году на страницах газеты «Наше знамя». Так, например, Г.Ибрагимов, рассматривая своеобразие развития татарской литературы послеоктябрьского периода («Третья эпоха в татарской литературе (Постарайтесь понять!), «Еще одно исследование по татарской литературе» и др.), высказал свое отношение к литературному наследию. Он подчеркнул, что не все из татарской литературы прошлого может быть взято на вооружение писателями нового поколения (например, малохудожественные повести Р.Фахретдинова «Асьма», «Салима», некоторые произведения Г.Исхаки («Шәкерт абый», «Мулла бабай» и др.), отдельные популярные книги на религиозные темы и т.д.). По мнению критика, эти произведения могут представлять историко-литературный интерес. Однако Г.Ибрагимов не отрицал значение таких деятелей татарской культуры, как Ш.Марджани, К.Насыри, классиков татарской литературы Дердменда, Г.Камала, Г.Тукая, Ф.Амирхана и других.

Дж.Валиди обвинил Г.Ибрагимова в нигилистическом отношении к литературному наследию. Он утверждал, что при оценке литературных произведений прошлых эпох надо исходить прежде всего из художественно-эстетических критериев, а не определять, соответствует ли данное произведение требованиям пролетарской эпохи. Точку зрения Дж.Валиди разделяли Г.Рахим, Г.Губайдуллин, Г.Нигмати и др.

Дискуссия явилась толчком для дальнейших активных размышлений об отношении к наследию.

Необходимо отметить противоречивость позиции Г.Ибрагимова и в подходе к другим вопросам. Так, он и после революции 1917 года продолжал оставаться на прежних позициях по отношению Дердменду, С.Рамиеву, Г.Камалу, Ф.Амирхану, С.Джалялу и мн. другим, т.е. не изменял своим высоким оценкам творческого наследия этих писателей. В то же время он отрицательно оценил повесть Г.Рахима «Волга» за то, что в ней не выражена пролетарская идеология, воспеваются индивидуалистские настроения.

В статье «Марксистский метод в изучении истории общественных, литературных движений», сославшись вначале на В.Львова-Рогачевского как на образец объяснения литературы с точки зрения пролетарского, марксистского, классового подхода, в основной части своей статьи Г.Ибрагимов развивает принципы культурно-исторической школы, дает классификацию татарской литературы в культурологическом плане. Он считал также правильным и подход Г.Сагди, который ориентировался на доминантные исторические события при изучении истории татарской литературы.

В разработке принципов научного исследования Г.Ибрагимов опирается на труды и представителей культурно-исторической школы, и марксистского учения. Так, в книге «О пролетарской литературе» (М., 1924) при обосновании своей концепции он ссылается на работы Тэна, Белинского, Чернышевского, Писарева, Плеханова, Ленина. В этой книге Г.Ибрагимов стремится объединить принципы культурно-исторической школы с марксизмом в решении таких вопросов, как специфика литературы, взаимоотношение формы и содержания, творческий метод, отношение к романтизму, к модернистским методам, отношение к литературному наследию. Это оказывается возможным, так как ряд положений культурно-исторической школы совпадает с определенными положениями марксистского учения о литературе и искусстве.

Подобные противоречия были характерны не только для Г.Ибрагимова. Это было особенностью научного мышления многих литературоведов того переходного времени, что показывает, насколько сложным было взаимодействие принципов культурно-исторической школы и марксизма.

Изучение этого материала, а также трудов Г.Нигмати, Г.Сагди показало, что в татарском литературоведении 1920-1930-х годов наметились две тенденции в развитии культурно-исторической

школы: с одной стороны, ориентация на русско-европейскую, и, с другой, — на восточную (в основном на турецкую) теоретико-литературную мысль.

1. Русско-европейская ориентация. В этом разделе рассматривается русско-европейская ориентация на материале таких трудов Г.Нигмати, как «На арене литературы» (М., 1925), «1905 год» (М., 1926), «История классовой борьбы на Западе» (Казань, 1928), «Наша литература в годы революции» (М., 1929), «М.Горький» (Казань, 1928), «Литература и жизнь (Проблемы литературоведения. Критика)» (Казань, 1931), а также многочисленных статей, опубликованных в татарской периодической печати 1920-1930-х годов (Вот некоторые из них: «Пушкин и татарская литература» (1927), «Годы литературной деятельности М.Горького» (1927), «О нашей литературе» (1927), «Наша литература за десять лет» (1927), «Лев Толстой и Максим Горький» (1928), «Н.Г.Чернышевский» (1928), «Каким должен быть путь развития литературоведческой науки?» (1930), «Десять лет на фронте татарской художественной литературы» (1930), «А.П.Чехов» (1930), «Против проявлений механистичности и эклектики в литературной критике» (1931), «В год четырнадцатилетия» (1931). В этих работах Г.Нигмати упоминаются сотни имен русских и зарубежных ученых: писателей, литературоведов, критиков, философов, историков. В своих литературоведческих исследованиях Г.Нигмати опирается и творчески применяет труды многих западноевропейских и русских авторов. К примеру: М.Гюйо — «Искусство с точки зрения социологии» (перевод на русский язык сделан А.Н.Пыпиным), В.Гаузенштейн — «Литература и общество», А.Д.Григорьев (ученик, последователь Н.С.Тихомирова) — «Литература и идеология», «Форма и содержание художественных произведений», «Введение в поэтику», Александр Николаевич Веселовский — «Историческая поэтика», П.С.Коган — «Мысли о литературе и жизни», «Романтизм и реализм в Европейской литературе XIX века», А.А.Потебня — «Мысль и язык», Л.Щюккинг — «Социология литературного вкуса», В.М.Жирмунский — «Вопросы теории литературы», «Байрон и Пушкин», «Рифма и ее история», «Введение в стиховедение», В.Б.Шкловский — «Поэтика», Б.М.Эйхенбаум — «Мелодика русского лирического стиха», Г.В.Плеханов — «Письма без адреса», «Искусство и общественная жизнь», «Судьбы русской критики», «Французская дра-

матическая литература и французская живопись XVIII века», А.К.Воронский — «Искусство и жизнь», «Искусство видеть мир», В.М.Фриче — «Очерки истории западноевропейских литератур», «Основные мотивы западноевропейского модернизма», «Социология искусства», П.Н.Сакулин — «Социологический метод в литературоведении» и т.д., и т.д.

При анализе работ Г.Нигмати видно, как глубоко он был знаком со многими трудами русских, западноевропейских ученых культурно-исторического направления — Бенфея, Брандеса, Венгера, Веселовского Александра, Гаузенштейна, Гюйо, Когана, Овсяннико-Куликовского, Плеханова, Пыпина, Потебни, Сакулина и мн. др., а также со значительными для того времени энциклопедиями и энциклопедическими словарями. Все эти научные труды Г.Нигмати считал необходимой «точкой опоры» для исследования литературы.

Критик считает плодотворным применение рядом ученых синтезированного метода. Синтез психологического и социального методов он находит у Г.Сагди, Г.Рахима, формалистического и психологического — у Х.Вали и др. Одновременно он дает представление татарскому читателю о том, что такое формализм, социологизм, психологизм, и что конкретно представляют собой эти школы.

Решением задач культурно-исторической школы обусловлена широкая пропаганда Г.Нигмати русской литературы: Горького, Чехова, Пушкина. Рассмотрению этого вопроса посвящен второй параграф второй главы диссертации.

В третьем параграфе данной главы излагается культурно-историческая концепция Г.Нигмати. Ученый предлагал учет причинно-следственных связей, существующих между произведением искусства, и повлиявшими на него, на его создание многих факторов культурно-исторической жизни. Эта идея созвучна факторной теории Тэна, о которой говорилось выше.

Идея историзма, активно утверждавшаяся Г.Нигмати, подвела его к необходимости изучения генезиса явления. Проблемы происхождения искусства, его специфики, общественно-эстетической функции занимают значительное место в трудах Г.Нигмати.

Генезис искусства Г.Нигмати рассматривает в свете идей как позитивизма, так и диалектического материализма. С одной стороны, ему импонировало сопоставление произведения искусства с

«живым организмом», развивающимся по естественным законам природы, в то же время Г.Нигмати разделял идею Г.Плеханова о происхождении искусства в связи с трудовой деятельностью человека, отсюда делал вывод об общественных, социальных функциях искусства. Они, по мнению критика, неотделимы от всей многогранной человеческой деятельности, направленной на создание материально-духовной культуры.

Идеологическая и политическая ситуация 1920-1930-х годов обусловила необходимость объединения принципов культурно-исторической школы с марксистско-ленинским учением. И в трудах Г.Нигмати встречаются в некоторых случаях факты эклектизма, методологической путаницы. Особенно это заметно в тех случаях, когда ученый при анализе литературы нового периода выдвигает на первый план принцип классового подхода, что мешало объективной оценке исследуемых фактов. Однако, в большинстве случаев, «левые» фразы (при изучении творчества М.Гафури, Г.Кулахметова и других писателей), связанные с понятиями классовости, партийности, выступали лишь в декларативном плане, при анализе явлений литературы и искусства доминировали позиции культурно-исторической школы.

Критик не оставался на уровне только историко-социологического рассмотрения искусства, его также интересовала эстетическая сущность явлений. Как справедливо отметил Ф.Галимуллин, «Г.Нигмати отличает от ортодоксальных сторонников вульгарного социологизма главное его качество — подход к литературным явлениям как к произведениям искусства, в оценке которых, кроме идеологических, необходимо применять и эстетические требования. В силу этого он был более терпим к отдельным идеологическим отклонениям коллег по перу, писал вдумчиво, основательно, не забывая, что имеет дело с художественным творчеством» [Галимуллин Ф. Эстетика и социологизм (Взаимоотношения эстетического и социологического в татарской литературе 20-30-х годов). — Казань: Магариф, 1998. — С.36].

Г.Нигмати большое внимание придавал известному эстетическому тезису — искусство есть мышление в образах. Интерес к образно-эмоциональной природе искусства, художественного произведения привел его к изучению законов и процессов собственно эстетической деятельности художника и к объяснению ее (эстетической деятельности) также и личностными, и психологическими

факторами. А это, в свою очередь, обусловило его внимание к вопросам психологии художественного творчества писателя. Идеи, тезисы об общественно-социальной функции искусства подводили к проблеме художественного восприятия искусства читателями, для которых оно и создавалось. И, таким образом, в один узел стягивались самые разнообразные проблемы: проблемы истории, генезиса, общественной природы, эстетической сущности искусства, литературы, психологии художественного творчества, художественного восприятия.

В системе культурно-исторических воззрений Г.Нигмати особо следует выделить важный момент: это — мысль об отсутствии прямолинейной связи между социально-экономическими факторами и искусством. Г.Нигмати, как и другие представители татарской культурно-исторической школы, всесторонне рассматривает идею «среднего звена», то есть факторов, опосредующих связь между социологией и эстетикой. Под средним звеном он понимает сложное взаимоотношение таких явлений, как мораль, религия, философия, наука, а также другие виды искусства, взаимодействующих с художественной литературой. Ученый подчеркивает, что искусство развивается не только под влиянием общественно-исторических факторов, но и по своим внутренним, имманентным законам. Критикуя тезис В.Ф.Переверзева о том, что образ является проекцией общественного характера, Г.Нигмати справедливо утверждает, что «нельзя прямолинейно понимать связь между литературой и экономикой, и другими формами идеологии. Необходимо учитывать конкретные связи и наличие опосредований между ними» («Литература и жизнь», с.12). Критик при этом уделяет огромное внимание преобразующей действительности роли эстетического идеала писателя и художественной фантазии при создании литературного произведения. Тем самым он отрицает тезис об искусстве как натуралистическом копировании действительности.

В четвертом параграфе говорится о вкладе Г.Нигмати в разработку основ теории литературы.

Как преподаватель теории и истории литературы в Казанском Восточном педагогическом институте (1928-1937) Г.Нигмати старался популярно, доходчиво довести до своих студентов основные положения теории литературы. Большое внимание он уделяет таким теоретическим вопросам, как художественный метод; стиль; форма и содержание; художественный образ, тип, характер; тео-

рия литературных жанров; язык художественной литературы; а также анализирует концепции различных научных литературоведческих школ, разъясняя их терминологическое выражение (принципы формальной школы, психологической школы, социологической школы, и, разумеется, культурно-исторической школы).

При рассмотрении художественных методов Г.Нигмати особое внимание уделяет сопоставлению романтического и реалистического типов творчества, модернистским методам (символизму, футуризму, имажинизму), становлению и формированию метода социалистического реализма. При раскрытии содержания всех этих понятий Г.Нигмати исходит из художественного опыта мировой литературы, опирается на высказывания известных ученых и писателей по этим вопросам и для подтверждения приводит конкретные примеры из татарской литературы. Он, одним из первых в татарской науке, рассмотрел такие модернистские направления, как футуризм, имажинизм, символизм не отрицая их роли в литературном процессе («На арене литературы»). В ряде трудов раскрыл различия между романтизмом и реализмом («На арене литературы», «Наша литература в годы революции», «О Галимджане Ибрагимове и о его творческом пути», «Наша литература за десять лет», «Хади Такташ», «А.М.Горький», «А.П.Чехов»), охарактеризовал формирующийся в татарской литературе метод социалистического реализма («Вопросы социалистического реализма в татарской советской литературе» и др.).

При рассмотрении проблемы стиля ученый прежде всего обращает внимание на философско-эстетический аспект проблемы (вслед за Гегелем и Плехановым), подчеркивает детерминированность стиля жанрово-родовыми особенностями произведения, отмечает его влияние на воспитание, на художественно-эстетическое восприятие мира читателем. Г.Нигмати не обходит вниманием также и вопрос о методике изучения стиля отдельных писателей, в своих трудах демонстрируя прекрасные образцы такой методики на примере анализа произведений Дердменда, Г.Тукая, Ш.Камала, Г.Ибрагимова, Х.Такташа, К.Наджми, Х.Туфана и др.

Разработка проблем теории сочеталась с составлением истории современной татарской литературы. При этом автор вводит такие понятия, как молодая пролетарская литература, метод социалистического реализма. Ученый правомерно считает эти художественные явления выражением новых художественно-исторических

закономерностей развития художественной литературы в 1920-1930-е годы.

Уже сами названия статей Г.Нигмати («Наша литература за десять лет» (1927), «Наша литература в годы революции» (1929), «Десять лет на фронте художественной литературы» (1929), «В год четырнадцатилетия» (1931), «Татарская советская художественная литература в период социалистической реконструкции» (1934) и др.) свидетельствуют о том, что ученый связывает художественные процессы с доминантными явлениями общественной жизни. Это не было следованием, данью вульгарному социологизму, а непосредственно вытекало из культурно-исторической концепции Г.Нигмати.

Ученый стремится сохранить объективность при характеристике нового метода – социалистического реализма, избегая как его апологетики, восхваления, так и резкой критики его ограниченности, и это объясняется тем, что Г.Нигмати рассматривает любой метод, в том числе и социалистический реализм, в развитии, в динамике, в перспективе, раскрывая возможный потенциал этого метода. Он пишет: «Нового героя нашего времени следует показывать разнопланово, разносторонне, в сложном сочетании, переплетении многих сторон и качеств. Новый герой не должен быть образцово-показательным, этого не следует забывать. При его изображении не должно быть ни малейшего упрощения, ни малейшего намека на схематизацию. Нельзя литературу превращать в сборище штампов. Фигуру нового человека нельзя превращать в мертвую абстракцию, это приведет к подмене специфики социалистической действительности выдуманной утопией» («Литература и жизнь», стр.102). Или: «К сожалению, наши коммунисты-художники – прежде всего политики. В их изображении торговец или рабочий превращается вообще в торговца или рабочего. А на самом деле они должны быть показаны со своими индивидуальными качествами, как Гайнетдин, или Халил, или еще кто-то... К сожалению, мы привыкли подводить все под категории, каждого героя – под какую-то социальную группу или класс, вместе с тем, что они являются представителями определенного класса, социальной группы, они обладают сугубо индивидуальными качествами» («Наша художественная литература», стр. 29). Хотя в отдельных статьях («Вопросы социалистического реализма в татарской советской литературе», 1933) теоретические рассуждения ученого о

социалистическом реализме построены на социологических принципах, вопросы творческого метода освещены с точки зрения классовости, тем не менее при конкретном рассмотрении явлений татарской литературы того времени, творчества отдельного писателя он указывает на особенности проявления этого нового метода. «Иными словами, Г.Нигмати обращает внимание на то, как социалистический реализм открывает в литературе широкий путь к разнообразным поискам и открытиям, т.е. к стилевому многообразию. И он направляет свой взор на стилевые искания молодых писателей» (Мусин Ф. Литературоведение и критика / История татарской литературы в 6-ти томах, 4 том. Татарская советская литература. 1917-1941.— Казань: Татар. книжн. изд-во, 1989.— С.487).

Большое внимание Г.Нигмати уделял рассмотрению различных научных школ в литературоведении (формальной, психологической, социологической) (см. параграфы 5, 6, 7, 8).

При характеристике формального метода проявляется двойственность подхода ученого в его оценке. С одной стороны, Г.Нигмати подвергает критике формальный метод за игнорирование общественно-социального содержания анализируемого произведения и обвиняет формалистов в «идеализме» и «буржуазности». С другой стороны, теоретическое освещение позиций этой школы, согласие со многими ее положениями, заинтересованность методами, принципами анализа художественного произведения свидетельствовали о том, что ученый был далек от огульного отрицания значения этой школы. Более того, он считал, что отдельные приемы формальной школы необходимо использовать при изучении татарской литературы.

Г.Нигмати справедливо полагал, что психологическое направление является ответвлением культурно-исторической школы. Он одним из первых среди татарских ученых 1920-1930-х годов дал теоретическое освещение основных проблем психологического направления. Проблемы психологии творчества в теоретическом плане ученый специально освещает в книге «Литература и жизнь» (Казань, 1931), об этом свидетельствуют даже названия отдельных глав («Психологические взгляды в литературоведческой науке», «Что собой представляет политика психологистов?», «Вопросы психологии писателя и история творчества», «Взгляды Бергсона-Воронского на творчество писателя», «Литература как фактор и вопросы психологии читательского восприятия», «Взгляды психо-

логической школы на литературное произведение и его специфика», «В чем секрет жизни классических произведений в веках?»), а также и в других своих трудах, как «Каким должен быть путь развития литературоведческой науки?» (1930), «Против проявлений механистичности и эклектики в литературной критике» (1931) и др. И сам термин «общественная психология» впервые ввел в литературоведческий обиход среди татарских ученых Г.Нигмати.

Ученый признавал важность разработки в трудах А.А.Потебни, Б.А.Лезина и др. таких проблем, как индивидуальное в психологии писателя и общественная психология. Г.Нигмати разделял мысли Д.Н.Овсяннико-Куликовского о роли в творческом процессе не только интуиции, эмоции, но и мировоззренческих позиций, считая, как и Д.Н.Овсяннико-Куликовский, что эти моменты проявляются в творческой деятельности писателя в синтезе, как «лирическая эмоция», как «умственная эмоция», по выражению Л.С.Выготского. «Искусство не ограничивается выражением эмоций человека, а выражает одновременно и эмоции, и мысли», — писал Г.Нигмати («Литература и жизнь», стр.25).

Большое внимание Г.Нигмати уделяет проблемам общественной психологии. По мнению ученого, писатель, творческая личность является выражением не только индивидуальной психологии, но и общественной психологии. При этом он подчеркивает, что социально-классовые взгляды, составляющие часть общественной психологии, зависят не от того, к какому сословию принадлежит писатель, они отражаются в мировоззренческих позициях, в идеале писателя и зачастую проводятся через образы героев.

Г.Нигмати разграничивает два аспекта предмета психологии творчества: 1) творческий процесс писателя (при изучении которого критик считает важным сопоставление различных редакций одного произведения), 2) психология художественного восприятия, типы читателей, взаимоотношения писателя и читателя. Последний вопрос представляется критику особенно важным. Как считает Г.Нигмати, «читатель, как и писатель, осуществляет творческий процесс» («Литература и жизнь», стр.70). Художественное произведение возникает как продукт взаимодействия двух субъектов: читателя и писателя. Г.Нигмати близко подходит к концепции диалогических отношений М.М.Бахтина, является одним из осно-

воположников историко-функционального подхода в татарском литературоведении.

Опираясь на труды Аристотеля, Канта, Гегеля, Дарвина, Тэна, Маркса, Энгельса, Ленина и др., Г.Нигмати разрабатывает также основы философии искусства, поставив в центр этих проблем такие вопросы, как происхождение искусства, искусство и действительность, генезис искусства, предмет искусства, специфика искусства, функции искусства, форма и содержание и др. Чаще всего Г.Нигмати ссылается на «Поэтику» Аристотеля, на «Эстетику» и «Логiku» Гегеля. Все эти философские проблемы, рассмотренные Г.Нигмати, представляют большой интерес и для других татарских исследователей последующих поколений.

Однако Г.Нигмати не оставался только в сфере философско-эстетических проблем. Другое направление его интересов – это история. Совместно с Х.Хасановым он написал книгу «1905 год» (М., 1926), позднее, в 1928 году, появилась статья «Как готовился Февраль?» и др. Интерес к истории был характерен и для других татарских литературоведов (книги Г.Ибрагимова «Великая Октябрьская революция и диктатура пролетариата» (Казань, 1922), «Революционные движения среди татар» (1905) (Казань, 1925), Г.Рахима – «О новом списке татарского исторического сочинения XVII века» (Казань, 1927), «К вопросу о татарском крестьянском движении 1878 года» (Казань, 1928), «Татарские эпиграфические памятники XVI века» (Казань, 1930), Г.Губайдуллина – «Всеобщая история» (Казань, 1918), «Древние болгары» (Казань, 1924), «Происхождение татар и Золотая Орда» (Казань, 1924), «О восстании Пугачева. Из истории народных революций в России» (Казань, 1924), «История татар» (М., 1925), «История классовой борьбы у татар» (Казань, 1925), Г.Баттала – «Казанские тюрки» (Стамбул, 1925; Переиздание: Казань, 1996). Это было общей тенденцией в татарской науке 1920-1930-х годов.

Широкая эрудиция, знакомство с русско-европейской и восточной культурой, многогранная образованность Г.Нигмати во многом обуславливается факторами его биографии (он закончил одну из знаменитых джадидистских медресе «Галия», затем – КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока), ГИЖ (Государственный институт журналистики в Москве). Он имел очень хорошую творческую практику, работая в Москве на разных

должностях (особенно в должности инструктора в отделе печати национальностей в ЦК ВКП (б)).

Г.Нигмати досконально изучал все научные школы, методы, принципы, которые образовывали сущность татарской культурно-исторической школы, однако доминантной идеей была идея комплексности и синтеза разных подходов к изучению литературы.

2. Восточная ориентация. Современником Галимджана Нигмати и ученым, взгляды которого также развивались в русле культурно-исторической школы, был Габдрахман Сагди (параграфы 1, 2, 3). Он в своих научных трудах ориентировался на восточные традиции. Однако следует подчеркнуть, что деятельность этих ученых не противостояла друг другу, наоборот, развивалась в плодотворном взаимодействии и дала положительные научные результаты. Ориентация на восточную культуру, научную мысль Востока, присущая татарской научной мысли, татарским ученым начиная со средних веков, не прерывается и в 1920-1930-е годы. Она заметна в трудах Г.Сагди «Язык, письменность, литература в человеческом обществе и их историческое развитие» (Казань, 1926), «История татарской литературы» (Казань, 1926), «Восточная педагогическая мысль. Опыт исследования» (Казань, 1927), «О символизме» (Москва, 1932) и др.

Особое внимание татарские ученые уделяли турецкой культуре, научной мысли, может быть, еще и потому, что турецкая наука, литература XIX века была своего рода проводником западно-европейских научных идей в татарскую среду.

В центре внимания Г.Сагди были такие турецкие мыслители, ученые, как Наджип Гасим, Ахат Рафик, Ахмет Рафгат, Гали Паша Мубарак, Шигабутдин Сулейман, Исмагил Хаки, Ахмед Мидхат, Зыя Паша, Намик Кямал, Ибрагим Шинаси, Тауфик Фикрет, Махмуд Фуадбек Кеprüлюзаде и др., а также русские ориенталисты Н.И.Ашмарин, Н.Н.Фирсов, А.Н.Самойлович и мн. др.

Восточной ориентации Г.Сагди способствовали также и факты его биографии. Он окончил Турецкий государственный университет в городе Константинополе по специальности «История литературы тюркских народов».

При доминировании Восточной ориентации, в трудах Г.Сагди определенную роль играли традиции культуры России и Западной Европы.

Деятельность Г.Сагди в основном носила просветительский, учебно-педагогический характер: ту или иную научную проблему он рассматривал в плане возможного освещения ее в учебном процессе.

Как и Г.Нигмати, Г.Сагди рассматривает связь литературы с жизнью. В своих исследованиях он придерживается принципа историзма, осуществляет комплексный подход. Считает возможным проводить литературоведческие исследования в самых различных аспектах: биографическом, историческом, социологическом, сравнительно-историческом, мифологическом, филологическом, эволюционном. В его собственных исследованиях преобладает социологический подход, связь развития литературы с общественными процессами.

Восточная ориентация Г.Сагди обусловила его интерес к применению метода аналогии, т.е. сопоставительного изучения литературы с другими подсистемами культуры. Так, в одном из основных своих трудов «Язык, письменность, литература в человеческом обществе и их историческое развитие» (1926), а также «Педагогические мысли Востока. Опыт исследования» (1927) он рассматривает в органической связи проблемы системы образования и воспитания у мусульман, проблемы культуры, языка, письменности, литературы. Татарскую литературу ученый рассматривает на широком фоне литератур Востока, в контексте общемусульманской культуры и цивилизации («О символизме»). С каждым годом его внимание все более и более сосредоточивается на проблемах татарской литературы (статьи – «Тукай среди татарских писателей», «О Кандалий», «Известный татарский писатель Фатих Амирхан», «Фатих Амирхан», «Наша литературная критика», «Первый татарский пролетарский писатель Гафур Кулахметов», «О творчестве Сагита Рамиева», «Галимджан Ибрагимов и его литературное творчество», «Эволюция типов в творчестве Галимджана Ибрагимова», книги – «Язык, письменность, литература в человеческом обществе и их историческое развитие» (1926), «История татарской литературы» (1926), «Татарская литература в эпоху диктатуры пролетариата» (1930), «О символизме» (1932) и др. Все конкретные наблюдения над фактами татарской литературы вошли в его фундаментальный труд «История татарской литературы».

Ученый выделяет основные проблемы, решение которых необходимо для воссоздания истории татарской литературы: 1) пред-

мет истории литературы; 2) принципы периодизации истории татарской литературы, определение содержания понятия «литературная эпоха»; 3) учет роли доминантных исторических событий при рассмотрении истории литературы.

Работа над историей татарской литературы шла по плану Татарского Академического центра. Соотнеся литературные этапы с общественно-экономическими формациями, периодизацию татарской литературы Г.Сагди дал по принципам, определенным Г.Ибрагимовым. Он разделил, вслед за ним, историю татарской литературы на три этапа: 1) древне-кадимистский – период восточного феодализма (до второй половины XIX века); 2) джадидистский (период национального пробуждения) – период капитализма (до 1917 года); 3) послеоктябрьский период – период социализма. Границы литературных эпох совпадали с границами общественно-экономических формаций.

Вступительным разделом к «Истории татарской литературы» нужно считать отдельный труд – «Язык, письменность, литература в человеческом обществе и их историческое развитие», посвященный изучению взаимоотношений языка, письма, литературы, образования в общечеловеческой культуре. Исследование истории литературы ученый предваряет размышлениями о происхождении языка, письменности, литературы и их развития, опираясь на труды иранских, арабских, афганских, индийских, русских, западно-европейских ученых-востоковедов.

Ввиду того, что история древнетатарской литературы была написана другими авторами – Г.Рахимом и Г.Газизом («История татарской литературы. Древний период» (Казань, 1922-1925), Г.Сагди счел необходимым начать освещение истории татарской литературы со второй половины XIX века. Но более детально он рассмотрел историю татарской литературы начала XX века – до Октябрьской революции. И этот раздел является наиболее содержательным в научном отношении, так как наряду с социальными, он учитывает и эстетические факторы.

Заслуга Г.Сагди прежде всего заключается в том, что в «Истории татарской литературы» он сумел систематизировать богатый, разнородный фактический материал. В состав понятия «художественная литература» автор включал и собственно художественную, и научную литературу, и публицистику, и религиозную литературу. В отдельных высказываниях он ограничивает предмет истории

литературы изучением собственно художественной литературы, ее методов, стилей, жанров («История литературы или литературная история?» (1923), «Ошибки в «Истории татарской литературы» (1925), «Татарская литература в эпоху диктатуры пролетариата» (1930), «О символизме» (1932). Общий пафос книги Г.Сагди – рассмотрение татарской литературы в региональном контексте, в системе восточной культуры.

Литературе послеоктябрьского периода посвящена книга Г.Сагди «Татарская литература в эпоху диктатуры пролетариата» (Казань, 1930), которая построена по тем же методологическим принципам.

В книге «О символизме» (М., 1932) на богатом фактическом материале Г.Сагди развивает свою концепцию символизма. Начинает он с общих рассуждений о специфике символизма, противопоставляя его другим литературным течениям: классицизму, рационализму, натурализму.

Ученый выясняет специфику познавательной и воспитательной функций символического творчества. Он определяет символизм как интуитивный способ познания действительности. Как «мистическое созерцание», символизм противостоит реализму. Воспитательная функция символизма – в его установке на восприятие божественного, возвышенного, в стремлении к духовной чистоте.

В духе методологии культурно-исторической школы Г.Сагди стремится выявить общественные корни символизма, национальное своеобразие его исторического развития. Сопоставляя символизм в различных тюркских литературах (татарской, турецкой, азербайджанской и др.), исследователь отмечает и общие, типологические моменты: присущие символизму «мышление символами», идею «двоемирия». В этом плане он показывает и отличие символизма от романтизма. Идея двоемирия в романтизме имеет «дуалистическую» форму, т.е. признание существования и мира земного, и мира идеала. Символизм же отличается «монистическим» идеалистическим подходом, признающим за истинную реальность лишь мир духовный. Однако, говоря о взаимодействии символизма с романтизмом, он иногда отождествляет эти явления.

Г.Сагди различает большие исторические эпохи развития символизма в татарской литературе: средневековый символизм, развивавшийся под сильным воздействием суфийской философии, сим-

волизм начала XX века, объединивший в себе традиции и восточного, и русско-европейского романтизма, символизм послеоктябрьского периода (творчество Х.Такташа).

Исследователь намечает две линии в татарском символизме начала XX века. Первая – развивается под влиянием чагатайско-турецкой литературы (Дердменд, Н.Думаи), вторая – испытывает воздействие русской литературы (С.Рамиев, М.Ханафи и др.).

Ценность книги Г.Сагди «О символизме» для своего времени заключалась еще и в следующем. Многие критики 1920-х годов утверждали, что в татарской литературе господствующим был метод пролетарской литературы. Г.Сагди доказал, что в литературном процессе наряду с новой пролетарской литературой развивались и другие течения, в том числе и символизм, и романтизм.

Зачастую исследователь расширяет границы татарского символизма начала XX века, включая в список символистов писателей, имеющих к нему весьма отдаленное отношение (например, М.Гафури, Ш.Бабич, Н.Исанбет, Х.Абушай, Ф.Ибрагимов, Г.Сунгати и др.), не всегда подтверждает свои тезисы конкретным анализом художественных произведений.

В целом же труд Г.Сагди – многостороннее исследование символизма в татарской литературе, не потерявшее своей научной ценности и для современной литературоведческой науки. И хотя многие татарские ученые неоднократно обращались по тому или иному поводу к книге Г.Сагди (Г.Рахим, Г.Губайдуллин, Г.Ибрагимов, Г.Нигмати, М.Гайнуллин, Г.Халит, Ш.Абилов, И.Нуруллин, Н.Юзеев, Х.Миннегулов, А.Саяпова, Д.Загидуллина и др.), тем не менее целостного, концептуального изучения этого фундаментального труда Г.Сагди в татарском литературоведении не было.

Теоретические труды Г.Сагди основывались на глубоком историческом изучении татарской литературы. Рассмотрение татарской литературы в широком контексте восточных литератур способствовало выяснению таких проблем, как закономерности развития стиля, взаимодействия модернистских и реалистических литературных методов и направлений. В свою очередь, труды Г.Сагди, написанные в историческом аспекте, послужили основой для монографических обзоров творчества таких татарских писателей, как Г.Кандалый, Г.Тукай, Г.Ибрагимов, С.Рамиев, Ф.Амирхан, Г.Кулахметов и др. Все эти труды ученого явились значительным вкладом в татарское литературоведение.

В третьей главе – «Принципы и методика исследования литературного процесса и творчества отдельного писателя» – на материале трудов Г.Нигмати и Г.Сагди рассматриваются теоретические основы и методика анализа литературного процесса в целом, творчества отдельного писателя, отдельных жанров и конкретного произведения.

1. Теоретические и методологические основы изучения литературы. Методика литературоведческого и критического анализа представителей культурно-исторической школы базируется на трех основных принципах: 1) историзме; 2) системности; 3) комплексности. Метод историзма реализуется у них в литературоведческом анализе как обусловленность литературного развития социально-историческими факторами. В этом плане позиции ученых близки к марксистскому пониманию историзма. Поэтому можно с уверенностью говорить об элементах марксизма в освещении татарскими учеными принципов культурно-исторической школы.

Как и в работах И.Тэна, системное исследование литературы подразумевает целостное рассмотрение литературы в единстве всех факторов и составляющих ее элементов, причем в такой целостности (системе), когда по одному доминантному признаку можно восстановить, объяснить, понять литературные явления в целом. (Например, рассмотрение Г.Нигмати романов Г.Ибрагимова «Молодые сердца» и «Наши дни» как систему романтизма с присущим ему доминантным признаком (этот доминантный признак рассматривается, в частности, в аспекте психологического анализа героев). Системность понимается также как изучение литературного произведения в единстве внешних факторов: с одной стороны, литература изучается в плане причинной детерминированности; с другой, – определяются связи внутри системы, связь по аналогии (между литературой и другими формами общественного сознания, внутри литературы – сходство и различие методов, жанров, сопоставительного изучения творчества отдельных писателей и т. д).

В практике культурно-исторической школы имел место и такой принцип, как комплексность, т.е. изучение литературы не только с точки зрения литературоведческой науки, но и с использованием других научных дисциплин: философии, психологии, социологии и т. д. (труды Г.Нигмати).

Г.Нигмати, Г.Сагди отличались друг от друга не только ориентациями, но и аспектами анализа литературного произведения. У Г.Нигмати преобладает философско-эстетический аспект, а у Г.Сагди – культурологический. Этим была обусловлена конкретная методика.

Г.Нигмати проводил исследования в трех ракурсах: 1) философско-эстетическом (искусство и действительность); 2) рассматривал сам конкретный механизм отражения действительности в искусстве; 3) исследовал литературу в развитии, подчеркивая относительность, условность связи, отсутствие прямолинейной связи между историческим процессом и литературным развитием.

В научно-практическом наследии Г.Нигмати заметно стремление к структурному анализу, т.е. к анализу внутренней организации художественного произведения. Важным для Г.Нигмати было выяснение потенциальных возможностей содержания художественного произведения, по которым он указывал на перспективы дальнейшего развития литературы (книга «На арене литературы», статьи о Х.Такташе, о Кави Наджми и цикл статей о Галимджане Ибрагимове).

В методике исследования литературы Г.Сагди преобладает культурологический аспект: выяснение аналогий между литературой и другими фактами, явлениями культуры. В дальнейшем активизируется его внимание к методам изучения модернистских течений («Футуризм как новое литературное течение» (1923), «О символизме» (М., 1932).

Далее в диссертации рассматривается методика Г.Нигмати, Г.Сагди на примере анализа ими нескольких произведений (параграфы 2, 3).

2. Методика анализа литературного процесса. При изучении литературного процесса Г.Нигмати использовал различные способы: 1) рассмотрение литературы какого-то определенного периода с включением элементов теории литературы; 2) изучение отдельных литературных течений и стилей; 3) локальные обзоры с установкой на конкретную литературную проблему; 4) анализ литературы в свете жанрово-родовых признаков; 5) смешанный тип исследования.

Г.Нигмати ставит целью выявить закономерности литературного процесса, определить формирование качественно новых при-

знаков в татарской литературе данного периода, обозначить конкретный вклад отдельных писателей в развитие литературы. Он особое внимание уделяет новой пролетарской литературе и процессу формирования и становления ее метода, стилевых течений, по возможности стремится раскрыть новое качество и достижения этой литературы. Подобный подход отличается от многих современных исследований, рассматривающих литературу 1920-1930-х годов как период стереотипов и шаблонов, вульгарного социологизма.

Г.Нигмати рассматривает в единстве такие составные литературного процесса, как роды, жанры, стили, художественные методы, литературные течения (статья «О татарской художественной литературе», 1927). Ученый выступает против понимания художественного образа как чисто иллюстративного момента, и обращает внимание на необходимость индивидуализации образов героев, причем автор должен широко опираться при этом на художественное воображение.

Характеризуя литературу 1920-х годов, Г.Нигмати отмечает, что это – период исканий, поисков, переходный этап, время развития литературы по пути реализма, но с активной опорой на романтические традиции. В 1930-е годы под влиянием марксистской идеологии Г.Нигмати выделил внутри и романтизма, и реализма два противоположных течения: реакционное и революционное. Тем не менее, он совершенно справедливо считал, что революционный романтизм должен стать неотъемлемой частью социалистического реализма.

Следует обратить внимание на то, что в трудах Г.Нигмати, Г.Сагди и др. рассматривается вопрос о модернистских течениях в татарской литературе 1920-1930-х годов, подчеркивается незавершенность их развития и быстрый, скорый уход с литературной арены. Они считают, что в татарской литературе эта эпоха не благоприятствовала для развития модернистских течений. Утверждается аморфный характер модернистских течений, но тем не менее Г.Нигмати, Г.Сагди определяют их специфические признаки и отмечают факт их взаимодействия, взаимопереходов. Это было важным достижением в изучении литературных течений 1920-х годов.

В диссертации нами подробно рассмотрен малоисследованный в татарской литературе труд Г.Сагди «О символизме». Г.Сагди,

вслед за Г.Нигмати («На литературной арене», М., 1925), изучает символизм в широком историко-культурном контексте («О символизме», М., 1932), намечает этапы исторического развития символизма не только в татарской литературе, но и в других восточных литературах. С одной стороны, оба исследователя показывают символизм в контексте мировой литературы, знакомят татарского читателя с важнейшими научными трудами по этой проблеме, с другой стороны, характеризуют национальную специфику татарского символизма. Все эти идеи стали опорными моментами для изучения символизма в современной татарской литературоведческой науке.

3. Методика монографического изучения творчества писателей. В этом разделе поставлена задача рассмотрения методики анализа на материале произведений двух классиков татарской литературы – Габдуллы Тукая и Галимджана Ибрагимова. На основе этой методики даны анализы произведений и других татарских писателей.

Композиция статей Г.Нигмати, Г.Сагди определяется особенностями их научного мышления. Г.Сагди идет от общего к частному. Г.Нигмати анализируемые явления рассматривает в логической последовательности, стремясь передать через нее логику изучаемого литературного явления. У Г.Сагди основная идея предвзывает анализ произведения, а у Г.Нигмати она раскрывается путем постепенного, поэтапного исследования художественного текста.

В русле концепции культурно-исторической школы оба ученых при исследовании как творчества Г.Тукая, так и Г.Ибрагимова обращают внимание на три момента: 1) факторный момент, т.е. систему факторов, обуславливающих содержание и форму данного произведения; 2) эстетический момент, т.е. отношение художника к отображаемой действительности; 3) историко-функциональный момент, читательское восприятие (восприятие произведения различными типами читателей).

Так, Г.Нигмати, рассматривая воздействие социальной среды на творчество Г.Тукая (цикл статей, книг о Г.Тукае с 1923 по 1936 годы), отмечает, что одним лишь этим фактором нельзя полностью объяснить личность Тукая и богатство содержания его творчества. Характеризуя отношение Г.Тукая к отображаемой действительности, критик указывает, что влияние среды, действительности не

было однолинейным, что все богатство творчества Тукая нельзя объяснить, исходя лишь из фактов биографии и влияния окружающей среды. Личность Тукая формировалась в условиях общероссийского революционного движения, в том числе и татарского народа, и под влиянием других важных исторических моментов. Благодаря комплексу этих факторов Тукай сумел в своем творчестве отразить жизнь многогранно, в переплетении противоречий различного рода, в исторической перспективе развития. Такой методологический подход позволил Г.Нигмати раскрыть значение его творчества для культуры татарского народа.

Творчество Г.Тукая раскрывается в трудах Г.Нигмати и в историко-функциональном аспекте. Он рассматривает воздействие произведений Г.Тукая на читателей. Ученый отмечает парадоксальное явление: сам Г.Тукай писал для широких масс народа, а основными читателями Тукая был фактически другой контингент (интелленты-джадидисты, приказчики, шакирды, лавочники и т. д., и т. п.). Читатели различных социальных слоев воспринимали Тукай по-своему: крестьяне зачитывались произведениями сказочного («Шурале», «Водяная» и др.), сказочно-легендарного типа («Сенной базар или Новый Кисекбаш»), а интеллигенции более близка была свободолюбивая, гражданская лирика Тукая.

В статье «Тукай среди татарских поэтов» (1923) Г.Сагди утверждает: чтобы понять Тукай, надо знать и понять его эпоху, особенности национальной жизни. Г.Сагди конкретно характеризует время творческой деятельности Тукая как период национально-освободительного движения, и этим фактом определяет многие особенности его произведений. В главе, посвященной Г.Тукаю в «Истории татарской литературы» (1926), Г. Сагди больше внимания обращает на мировоззрение Тукая и влияние религиозных взглядов на его произведения. Эти положения даны в основном иллюстративно. Анализ художественно-образной системы отсутствует. Это привело к некоторым искажениям в понимании и оценке творчества Г.Тукая.

Более детально методика Г.Нигмати, Г.Сагди реализуется в их статьях, посвященных творчеству Г.Ибрагимова (статьи Г.Нигмати – «Мотивы революции в произведениях Галимджана Ибрагимова» (1928), «Новое произведение Галимджана Ибрагимова» (1929), «О Галимджане Ибрагимове и о его творческом пути» (1932), Г.Сагди – «Галимджан Ибрагимов и его литературное твор-

чество» (1928), «Эволюция типов в творчестве Галимджана Ибрагимова» (1928).

Г.Сагди в первой части своей статьи «Галимджан Ибрагимов и его литературное творчество» детально передает жизненный и творческий путь Г.Ибрагимова. Вторая часть полностью посвящена характеристике литературной эпохи, литературной среды, в которой формировался писатель. В третьей части освещается три этапа творчества Г.Ибрагимова: 1) 1907-1910; 2) 1910-1916; 3) после 1917 года. Г.Сагди делает из анализа следующий вывод: Г.Ибрагимов вошел в литературу как реалист, прошел этапы романтизма-сентиментализма, затем встал на путь реализма, обновленного на основе новых социалистических идеалов.

Сопоставительный анализ статей Г.Сагди («Эволюция типов в творчестве Галимджана Ибрагимова») и Г.Нигмати («О Галимджане Ибрагимове и его творческом пути») показал отличие их методики. Г.Сагди рассматривает возникновение и развитие одного типа героя (типа Давыта Урманова) в разных произведениях Г.Ибрагимова. Г.Нигмати же в своей статье рассматривает систему образов в одном произведении. Его методика анализа творчества Г.Ибрагимова существенно не отличается от исследования творчества Г.Тукая, М.Гафури, Дердменда, Ф.Амирхана, Г.Исхаки, Г.Камала, Ш.Камала, Г.Кулахметова и др. Это объясняется тем, что, во-первых, предметом анализа являются писатели одной эпохи; во-вторых, их творчество формировалось под влиянием общих социально-исторических и культурных факторов.

Г.Нигмати на материале романа «Молодые сердца» определил сущность романтического метода. Он охарактеризовал специфику романтического обобщения, основанного на гиперболизации индивидуальных свойств героев, обратил внимание на роль романтического контраста в композиции и, главное, как одну из важнейших особенностей романтического произведения выделил глобальный характер состояния общества, противопоставил ему личностные качества героев. По его мнению, именно в романтическом творчестве индивидуальные, личностные качества героя вступают в конфликт с общедраматическим состоянием общества. Различие между романом «Молодые сердца» и «Наши дни» Г.Ибрагимова Г.Нигмати видит в том, что во втором романе писатель отражает попытку героев включиться в общественное движение, преодолеть конфликт между личностью и средой, благодаря чему разрушает-

ся романтическая основа и на первый план выступает реалистический принцип.

Методика анализа литературных явлений, рассмотренная в данной главе диссертации, свидетельствует о том, что оба ученых исходили из принципов культурно-исторической школы (рассмотрение литературных произведений в свете и теории факторов с выделением доминантного исторического события, учет внутренних имманентных законов художественного творчества и акцент, внимание к эстетической сущности литературного произведения). Этот акцент выражен именно у татарских критиков. Но главной особенностью была разработка всех литературоведческих проблем в тесной связи с задачами развития татарской нации, татарского народа в первой трети XX века. Вместе с тем использование принципов культурно-исторической школы дало возможность татарским литературоведам рассмотреть явления, закономерности татарской литературы в широком контексте русско-европейской и восточной культуры.

В четвертой главе – «Варианты развития культурно-исторической школы в татарском литературоведении 1920-1930-х годов» – основной целью ставится освещение фона формирования культурно-исторической школы в татарском литературоведении 1920-1930-х годов. В ней рассматриваются варианты решения основных проблем, выдвинутых культурно-исторической школой. Под этим уклоном освещается научно-критическое творчество Г.Рахима, Г.Губайдуллина, Дж. Валиди, Г.Баттала, Г.Гали, Х.Вали, Г.Тулумбайского и других татарских литературоведов и критиков, а также теоретико-критическое наследие писателей Ф.Бурнаша, К.Наджми, Х.Такташа, Х.Туфана, А.Шамова и др. Хотя и не было полного соответствия по всем вопросам между «лидерами» и «последователями», но и в статьях, книгах «последователей» наблюдается постановка одних и тех же общих проблем, рассмотрение, решение многих их аспектов в духе культурно-исторической школы. Нами составлен список трудов каждой указанной выше отдельной творческой личности в хронологической последовательности. Говоря о хронологической последовательности, следует подчеркнуть, что мы учли также статьи, книги вышеупомянутых татарских исследователей, написанные и опубликованные до 1917 года, поскольку научная и литературно-критическая деятельность многих

началась еще до Октябрьской революции. Поэтому для более полного представления концепции «последователей» мы стремились проследить преемственность в их научно-творческом наследии, выделяя их творческие завоевания, достигнутые еще до Октября. Поскольку вопрос о национальных истоках татарской культурно-исторической школы в татарском литературоведении рассматривался нами в первой главе диссертации и по истории национальной литературно-теоретической мысли имеется специальное исследование (Загидуллиной Д.Ф.), при рассмотрении вариантов развития культурно-исторической школы в татарском литературоведении дореволюционное литературоведческое творчество последователей этой школы в данной главе нами специально не исследовалось.

Указанные выше ученые и писатели-критики внесли свою лепту в татарское литературоведение по разработке проблем по трем основным линиям.

Первый круг проблем связан с понятиями художественного метода, литературного направления и стиля (Г.Рахим, Г.Гали, К.Наджми, Х.Вали, Г.Тулумбайский, А.Шамов, Г.Лутфи, Ф.Мусagit и др.), вопросов психологии творчества (Х.Вали, Х.Наум, С.Утяш, Х.Такташ, К.Наджми, Х.Туфан, Г.Тулумбайский и др.).

Группа ученых, минуя сферы философии и эстетики, рассматривали конкретный материал очень детально и применительно к практике преподавания.

Основное же внимание было уделено написанию истории татарской литературы. Первый свой опыт в подобном роде представили Г.Рахим и Г.Губайдуллин («История татарской литературы» (Казань, 1922-1925), Дж.Валиди («Очерк истории образованности и литератур татар Поволжья (до революции 1917 года) (М.-Пг., 1923), Г.Баттал («Казанские тюрки», Стамбул, 1925).

Внимание татарских литературоведов в 1920-е годы привлекали философские проблемы литературы. Опираясь на труды лидеров культурно-исторической школы, продолжая и развивая их, татарские литературоведы и критики – последователи дали отдельные фрагменты по философско-эстетическим проблемам литературы. Однако философско-эстетические проблемы, в том числе и такие эстетические проблемы, как отношение искусства к действительности, эстетические оценки в литературных произведениях, проблемы художественной образности в их трудах рассматривались сравнительно мало. Они прекрасно понимали необходимость глу-

боких знаний, большой теоретической подготовки в области философии. Поэтому многие авторы начинают писать и публиковать специальные статьи, посвященные проблемам философии (А.Гумеров – «Диалектический материализм» (1923), Х.Наум – «Материализм» (1925), «Диалектический материализм. Краткое изложение» (1926) и др.

Если Г.Нигмати, Г.Сагди, Г.Рахим, Г.Губайдуллин, Дж.Валиди разрабатывали фундаментальные проблемы литературы, то Х.Вали, Г.Гали, С.Муртазин, С.Атнагулов, З.Гали, А.Халид, Х.Наум, Г.Тулумбайский и мн. др. в большей степени обращали внимание на конкретизацию и пропаганду принципов культурно-исторической школы через анализ отдельных литературоведческих проблем. Так, одну из фундаментальных общетеоретических проблем, проблему литературных жанров, они рассматривали фрагментарно в методическом аспекте (Х.Вали – «Методика изучения стихотворений на уроках литературы» (1930), «Методика изучения драматических произведений на уроках литературы» (1931) и др). При этом особое внимание уделялось разъяснению литературных терминов, таких, как тема, мотив, сюжет, композиция, фабула и др.

Ценные конкретные разработки по татарскому стихосложению дал Х.Вали, опираясь на труды известных русских и западноевропейских специалистов по стихосложению («Татарское стихосложение. Метрика. 1-ая часть» (Казань, 1928). Следует отметить также и статьи Х.Туфана по вопросам стихосложения («О современных стихах» (1927), «О новой технике стихосложения» (1928).

Отдельные интересные соображения по поводу формы и содержания художественного произведения высказал Г.Тулумбайский, известный писатель, журналист, критик (книга «Фронт художественной литературы», Казань, 1926). Соответствие формы содержанию он считает основным требованием художественности. В свете этого критерия Г.Тулумбайский в книге «Фронт художественной литературы» рассматривает дооктябрьскую литературу, уделяя пристальное внимание Ф.Амирхану, Г.Тукаю, Г.Исхаки, Дердменду и др., и литературу послеоктябрьского периода.

Рассматривая влияние фактора «среды» на творчество писателя, Г.Тулумбайский вкладывает в это понятие широкое содержание, в том числе включая сюда и духовную атмосферу общества, и эстетические идеалы. Хотя он иногда не совсем корректно использует определение «буржуазный писатель», широкое понима-

ние термина «среды» помогает ему в какой-то мере избежать вульгарного социологизма в оценке творчества писателя.

Анализ научных трудов Г.Тулумбайского дал возможность отметить следующие позитивные идеи: это, во-первых, высокая оценка, данная им писателям, представителям дореволюционной татарской литературы в период нигилистического отношения к ним, во-вторых, при классификации и оценке отдельных этапов развития пролетарской литературы Г.Тулумбайский не ограничивается только идеологическим критерием, но также учитывает художественно-эстетические особенности того или иного периода, и поэтому он в ряде случаев дает высокую оценку произведениям, по содержанию очень далеким от революционной тематики (М.Файзи – «Асылъяр», Х.Такташ – «Трагедия сынов земли», Г.Рахим – «Волга», Г.Ибрагимов – «Люди», Ф.Бурнаш – «Райская птица» и др.).

Говоря о задачах развития молодой пролетарской литературы, Г.Тулумбайский обращает внимание не только на идеологическое содержание, но и на необходимость идейно-художественного совершенствования.

Далее в диссертации специально освещены вопросы, которые получили более углубленную разработку.

1. Проблемы метода, направления, стиля. Выдвижение на первый план в 1920-е годы проблемы стиля в татарском литературоведении было закономерным потому, что начали появляться модернистские течения в литературе. Для определения художественного метода литературного материала было недостаточно, ибо новый метод пролетарской литературы находился в состоянии становления. По мере того, как прояснялись контуры, специфика новой пролетарской литературы в конце 1920-х годов, интерес ученых переключался на проблему художественного метода. Сам этот факт говорит о том, что для татарских литературоведов понятие стиля означало стадию, предваряющую стадию формирования художественного метода. Не случаен тот факт, что поводом для споров, дискуссий, размышлений о стиле явились модернистские течения в татарской литературе 1920-х годов. По мнению ряда ученых (Г.Нигмати, Г.Сагди, К.Наджми и др.), эти модернистские течения находились в стадии стилевого развития и не смогли оформиться в определенный художественный метод. Этот тезис прово-

дится в ряде научных трудов, статей той поры. Так, Г.Рахим считает романтизм Х.Такташа «запоздалым романтизмом». Включив творчество Х.Такташа в контекст мировой литературы (Хафиз, Хайям, Руми, литература «Бури и натиска», Гейне, Гете, Шиллер и Байрон), Г.Рахим отмечает отдельные черты романтического метода и в творчестве татарского поэта, в то же время указывает на очень тесное взаимодействие романтического творчества Такташа с реализмом, что в какой-то степени придавало его романтизму расплывчатый характер.

Мысль об аморфности модернистских стилевых течений в татарской литературе 1920-1930-х годов проводит и К.Наджми в статье «Литературные течения и литературная критика» (1923). Он считает, что такие поэты как Такташ, Кутуй — поэты переходной эпохи. Этот момент накладывает большой отпечаток на их творчество, определяет калейдоскопический характер создаваемых образов и использование метафор большой эмоциональной силы. Однако он также подчеркивает расплывчатость их метода, стиля, не успевшего оформиться в ту или иную целостную модернистскую систему.

Мысль об аморфном характере романтизма в татарской литературе 1920-х годов проводит и Х.Вали в статье «Автор поэм», посвященной Ф.Бурнашу. Не отрицая роли романтизма в татарской литературе, критик тем не менее полагает, что на татарской почве не было возможности, базы для развития романтизма европейского типа. Слаба была в татарском обществе элитарная прослойка (и у нее была слабая связь с литературой), не было в обществе достаточного для развития этого метода романтического мироощущения. И поэтому Х.Вали не считал возможным назвать Ф.Бурнаша чисто романтическим поэтом («я далек от того, чтоб возвести Бурнаша на трон романтизма»).

В свете факторной теории принципов культурно-исторической школы подражание татарских поэтов русским футуристам Х.Вали объяснял недостатком нужных условий для развития футуризма в татарской литературе. «Несмотря на большое желание стать поэтом-футуристом, Г.Кутуй остановился на полпути», — пишет он («Поэт-футурист», стр.28).

Заслуживает внимания и мысль Х.Вали о том, что нельзя относить к футуризму любое труднопонимаемое, недоступное читателю произведение, написанное с использованием отдельных фу-

туристических приемов. Другими словами, Х.Вали не отрицал роль футуризма в историческом развитии литературы.

В разработке проблем стиля к концу 1920-х годов у отдельных татарских критиков, литературоведов начинают проявляться элементы вульгарно-социологического подхода. Например, это можно заметить в статье Х.Вали «Язык и стиль татарской литературы послеоктябрьского периода» (1927). Он говорит о резком различии между стилем буржуазной и пролетарской литературы в связи с изменением идеологии. В данном случае Х.Вали не учитывает воздействия на развитие стиля комплекса самых различных факторов.

Вслед за русскими литературоведами П.Н.Сакулиным, В.Гаузенштейном, В.М.Фриче, В.М.Жирмунским и др. в татарском литературоведении ученые рассматривают также и важный вопрос о двух аспектах изучения стиля: 1) в узком и 2) широком смысле слова (Х.Вали — «Языковые-стилевые особенности послеоктябрьской художественной литературы» (1927), «Эволюция стиля в татарской литературе за десять лет» (1930), Г.Тулумбайский — «Тематика и стиль произведений Галимджана Ибрагимова» (1928) и др.). Эта тема наиболее полно раскрывается в статье А.Шамова «Стиль и его эволюция» (1929). В узком (филологическом) смысле слова стиль понимается им (А.Шамовым) как индивидуальный стиль писателя, стиль направления (стиль классицизма, стиль символизма, стиль реализма). В широком смысле слова стиль он называет стилем эпохи, который для своего определения требует, по его мнению, выделения стилевой доминанты, проявляющейся в различных областях культуры, не только в художественной литературе, но и в философии, публицистике, политике, социологии и т.д. (В качестве примера он приводит рационализм как доминантную черту стиля эпохи во Франции XVIII века). В то же время критик смягчает однолинейность своего понимания стиля, рассматривая далее закономерности формирования различных стилей («закон подражания», «закон противопоставления» и «закон трансформации»).

В начале 1930-х годов размышления о стиле отошли на второй план. В центре внимания оказалась проблема творческого метода. Ученых прежде всего интересовали вопросы об основе и философском содержании нового творческого метода советской литературы, который в те годы зачастую сопоставляли с методом диалектического материализма. Поиск терминологического обозна-

чения закончился введением названия «метод социалистического реализма».

В качестве примера анализа творческого метода в диссертации приводится статья Ф.Мусагита «Основные вопросы творческого метода» (1931). В ней автор рассматривает положения, выдвинутые РАППом, критикует теорию «непосредственных впечатлений» (Ю.Либедицкий), концепцию «живого человека» (В.В.Ермилов), а также научные позиции В.Ф.Переверзева. Большое внимание Ф.Мусагит уделяет вопросу обусловленности творческого метода тематикой и жанром произведения.

В трудах татарских ученых, посвященных вопросам стиля и метода, есть противоречивые положения, а также и положительные моменты: рассмотрение стиля в разных аспектах в системе различных факторов, стремление выделить стилевые доминанты, провести связь между стилем и творческим методом в процессе их развития. Ценным, на наш взгляд, является определение особенностей модернизма в татарской литературе 1920-х годов и конкретное рассмотрение стиля отдельных писателей.

2. Проблемы психологии творчества. Наряду с Г.Нигмати проблемами психологии творчества занимались Х.Наум («Механика творчества», 1928), С.Утяш («О таланте и творческом процессе», 1929), Х.Вали («Основы творчества», 1928; «Механизм литературных типов», 1929).

Х.Наум рассматривает биолого-физиологические основы художественного творчества. Несмотря на ряд положительных моментов (размышления о роли ассоциативных представлений в творческом процессе, о роли индукции, об актуализации старых образов, о взаимодействии эмоций, мыслей и воли), в статье Х.Наума нет ясного представления о том, как совершается переход физиологических процессов на психологический уровень. За механическое перенесение законов «химизма» на творческий процесс Х.Наум подвергся критике со стороны Г.Нигмати («Против проявлений механистичности и эклектизма в литературной критике», 1931).

Х.Вали в статье «Основы творчества» свое представление о факторах и стадиях творческого процесса раскрывает на примере романа Г.Ибрагимова «Наши дни» (1) определение темы; 2) сбор материала; 3) построение композиции будущего произведения; 4) определение основной идеи; 5) непосредственное написание про-

изведения). Однако Х.Вали не сумел раскрыть роли бессознательных процессов, роли интуиции при создании произведения. Рассуждая об образе героя («типе») произведения, Х.Вали дает ему характеристику в двух планах: внешнем («маска» героя) и внутреннем («психика» героя). Концепция типологии образов у Х.Вали полностью основана на примерах из реалистического искусства.

В 1920-е годы отдельные писатели (Х.Такташ, Х.Туфан, К.Наджми и др.) делились с читателями опытом собственного творчества, рассказывали о специфике создания художественного произведения. Так, К.Наджми в 1928 году к 100-летию со дня рождения Л.Толстого напечатал интересную статью об истории создания рассказа «После бала», о девяти его вариантах, о первоначальной редакции («Отец и дочь»), которую сам перевел на татарский язык.

Таким образом, в 1920-е годы, в атмосфере усиленного внимания к проблемам психологии вообще, психологии художественного творчества в частности, татарские литературоведы, вслед за И.П.Павловым, И.М.Сеченовым, К.Н.Корниловым, А.А.Ухтомским, С.О.Грузенбергом и др., также обратились к изучению этих проблем применительно к татарской литературе. В ту пору татарские ученые больше интересовались истоками творческого процесса и этапами его развития. Можно сказать, что своими исследованиями они создали определенную базу для глубокой теоретической разработки проблем психологии творчества в татарской науке 1970-1980-х годов.

3. Периодизация истории татарской литературы и принципы ее исследования. В этом разделе рассматриваются труды по истории татарской литературы, появившиеся в 1920-е годы, Дж.Валиди, Г.Рахима, Г.Губайдуллина, Г.Баттала.

Культурно-историческая концепция в трудах Дж.Валиди. В книге «Очерки истории образованности и литературы татар (до революции 1917 года)» (М.—Пг., 1923) Дж.Валиди рассматривает татарскую литературу в связи с состоянием просвещения, науки, истории, религии, языка, письменности. Подобный подход был присущ и представителям русской культурно-исторической школы (А.Н.Пыпину, С.А.Венгерову, А.С.Архангельскому и др.). Дж.Валиди при рассмотрении истории татарской литературы не

замыкается в среде чисто художественных интересов, а представил ее с точки зрения состояния образованности татар (в аналогичном плане ученый подходил к исследованию литературы и в трудах, изданных до Октябрьской революции – («Состояние татарской литературы», 1912; «Нация и национальность», 1914), а также в известной полемике между ним и Г.Ибрагимовым, развернувшейся в 1922-1923-х годах на страницах газет «Известия Татарстана», «Татарстан», «Наше знамя».

«Очерки.....» написаны в культурологическом плане; литература рассматривается на фоне общеисторического процесса, развития культуры – на примере творчества нескольких крупных писателей. Дж.Валиди утверждает, что профессиональная татарская литература появилась лишь в конце XIX века. Что касается более древних периодов, автор считает, что многие памятники литературы и письменности безвозвратно утеряны и что от этих этапов сохранилась в основном религиозная литература. Поэтому исторический период до середины XIX века Дж. Валиди считает периодом «схоластики». За недооценку значения «древних периодов» истории литературы, Дж. Валиди подвергся критике со стороны Г.Ибрагимова («Еще одно исследование по истории татарской литературы», 1923).

Освещение проблем истории татарской литературы в трудах Г.Рахима и Г.Губайдуллина. Книга Г.Рахима и Г.Губайдуллина «История татарской литературы» (1922-1925) является большим достижением татарского литературоведения 1920-х годов.

Г.Рахим и Г. Губайдуллин основным материалом для исследования взяли историю самой татарской литературы, факты истории культуры рассматривали в качестве детерминирующих факторов.

В диссертации подробно рассматривается история создания многотомной книги Г. Рахима и Г.Губайдуллина (он же Г.Газиз), последовательность написания трех ее частей.

Общая концепция книги сводится к следующим моментам. Литература поволжских татар возникла на родной земле под воздействием местных факторов. С другой стороны, в состав татарской литературы входят и произведения общетюркского происхождения. В-третьих, часть литературного наследия татар составляют переводы произведений восточных народов, проникших в татар-

скую литературу через Среднюю Азию и Турцию. Наконец, еще один источник – произведения чагатайцев и османцев, ассимилировавшиеся в татарской литературе и ставшие ее неотъемлемой частью.

На разных этапах развития доминирующими являются те или другие источники, однако в XVII, XVIII, XIX веках все отчетливее проступают национальные корни татарской литературы. Авторы хорошо осознают, что еще много «белых пятен» в восстанавливаемой ими истории татарской литературы. Тем не менее они в соответствии с принципами культурно-исторической школы стремятся дать системное представление о татарской литературе.

Авторов интересуют также и принципы построения истории литературы: биографический, типологический (по системе развития стилей, методов, жанров), хронологический. Авторы выбирают хронологический принцип, но, учитывая имеющийся фактический материал, стараются по возможности дать биографии отдельных писателей, делать обобщения типологически сходных литературных явлений. В любом случае они учитывают влияние на литературный процесс множества социально-исторических, культурологических факторов. Все эти положения являются концентрированным выражением методологических принципов культурно-исторической школы.

При определении смены отдельных эпох истории татарской литературы Г.Рахим и Г.Губайдуллин за основу брали процесс постепенного освобождения от влияния восточной культуры и движения в сторону западноевропейской цивилизации. При этом авторы совершенно справедливо отмечали «взаимопереходность» этих двух полюсов ориентации, «заплывания» одной фазы в другую. Эту идею плодотворно развивают и современные историки татарской литературы, стремясь при этом определить ее более древние генетические корни, конкретизировать более «дробно» отдельные ее этапы.

Много внимания Г.Рахим и Г.Губайдуллин уделяют вопросу о предмете истории литературы. «Предмет» исследования при изложении истории татарской литературы ранних этапов понимался авторами широко, как весь материал, относящийся к просвещению и образованности татар. Согласно принципам культурно-исторической школы, этот материал рассматривался в тесной взаимосвязанности, взаимозависимости с характером исторической эпохи. По

мере приближения к явлениям более поздних эпох, «предметом» исследования становился материал собственно самой художественной литературы.

Первая часть первого тома («Введение в историю татарской литературы», 1924) посвящена обзору просвещения, письменности и литературы древних тюрков (искусство письма, образцы эпиграфий). Древнетатарская литература рассматривается как общетюркская. Определенное внимание уделяется и влиянию суфизма на восточную литературу.

Во второй части первого тома («История татарской литературы. Первый том. Древний период. Вторая часть. Исторические судьбы татарской литературы. Древние памятники письменности в Поволжье. Произведения чагатайской литературы в Поволжье. Турецкие произведения в Поволжье», 1923) говорится об усвоении татарами чагатайской и турецкой литератур. Анализируются произведения, бывшие особенно популярными у татарского читателя («Бакырган китабы», «Кисекбаш китабы», «Йосыф китабы», «Кырык вәзир», «Хужа Насретдин» и др.).

Третья часть первого тома («История татарской литературы. Первый том. Древний период. Третья часть. Литература XVII, XVIII, XIX веков», 1922) является самой значительной частью «Истории татарской литературы». Предметом исследования в этом томе стала татарская литература XVII–XIX веков. Этот этап авторы также относят к древнему периоду. Во втором издании «Истории татарской литературы» («История татарской литературы. Эпоха феодализма. Второе издание», 1925) этот период охарактеризован как эпоха феодализма – в соответствии с требованиями общественно-формационного подхода. Как и в предыдущих томах, от широкого культурологического рассмотрения авторы переходят к анализу собственно художественной литературы («Таһир-Зөһрә кыйсасы», «Бүз егет», творчество Г.Утыз-Имяни, А.Каргалы, Ш.З.Суфи, Х.Салихова, Г.Кандалыя). Высшим достижением татарской литературы эпохи феодализма Г.Рахим и Г.Губайдуллин считают творчество Г.Кандалыя.

Современные исследователи истории татарской литературы (Абилов Ш., Ахметзянов М., Ганиева Р., Галимуллин Ф., Залялиева М., Миннегулов Х., Хисамов Н., Шарипов А. и др.) вносят существенные уточнения в тезис – «древнетатарская литература – часть общетюркской».

Критика 1920-х годов об «Истории татарской литературы» Г.Рахима и Г.Губайдуллина. Книга вызвала большой общественный резонанс, став поводом для серьезных размышлений и споров о предмете истории литературы, принципах периодизации, аспектах изучения, стала своего рода импульсом для осмысления новейших этапов развития татарской литературы. Появились рецензии Г.Сагди, Г.Ибрагимова, Дж. Валиди. В рецензии Дж. Валиди (1924) указывается на значение первой части первого тома для составления истории литературы других тюркских народов. Они, по мнению автора, также прошли четыре этапа в своем развитии: орхонский, уйгурский, чагатайский, османский. Дж. Валиди говорит о необходимости создания общей концепции развития татарской литературы, используя и материалы нового исторического этапа «возрождения» (яңарыш чоры) татарской культуры (начиная с XIX века).

Г.Сагди в своей рецензии («История литературы или литературная история?», 1923) критикует авторов «Истории татарской литературы» за «подмену» истории литературы «литературной историей», т. е. за расширительное понимание предмета изучения. Разделы, посвященные характеристике литературы XVII–XIX веков, т.е. третья часть первого тома, рецензент оценивает положительно. Однако Г.Сагди отмечает много неточностей, фактологических ошибок, считает необходимым строго придерживаться критерия объективности.

Г.Ибрагимов видел значение этого труда в том, что Г.Рахим и Г.Губайдуллин сумели привести в единую систему разрозненный, разнородный материал, касающийся самых различных сторон литературы и культуры народа в целом, тем самым они создали основу для дальнейшего, более глубокого, научного исследования истории татарской литературы («Материалы к истории татарской литературы», 1923).

В диссертации анализируются и другие научные труды Г.Рахима и Г. Губайдуллина, написанные в 1920-е годы. Г.Рахим большое внимание уделял пропаганде и изучению творчества М.Акьегетзаде, Г.Тукая, Г.Камала, Г.Ибрагимова, Х.Такташа и др. В сборнике «Поэты Востока» – «Шәрекь шагыйрьләре» (1919) Г.Рахим поместил биографические очерки и творческие портреты, отрыв-

ки из произведений таких поэтов, как Хафиз, Руми, Хайям, Саади, Хакани, Джами, Р.Тагор.

Широк круг научных интересов Г.Рахима. В его многочисленных статьях находят отражение проблемы фольклора, татарского театра, татарской оперы, татарского языка и др., рецензии на статьи русских ученых, например, на книгу М.Покровского «История русской культуры».

Научные интересы Г.Губайдуллина в основном были сосредоточены на проблемах исторической науки (история России, история Татарстана, татарского народа и история религии, теория нации). По всем названным темам Г.Губайдуллин написал серию статей, которые были объединены потом под редакцией ученого-историка С.Алишева в отдельный сборник под названием «Страницы истории», Казань, 1989). Все эти труды заслуживают специального исследования.

Г.Рахим, Г.Губайдуллин – ученые широкой эрудиции, обладали знанием насущных проблем теории и истории татарской литературы, в своих научных трудах они очертили круг проблем дальнейшего развития татарского литературоведения.

Книга Г.Баттала «Казанские тюрки». Книга Г.Баттала была издана в 1925 году в Стамбуле, куда он эмигрировал после Октябрьской революции (второе издание вышло в 1966 году в Анкаре, третье – в 1996 году в Казани, в Татарском книжном издательстве). В данном разделе диссертации рассматривается реализация в этой книге принципов культурно-исторической школы. Г.Баттал рассматривает татарскую литературу как часть общественно-политической истории, выявляет ее роль в развитии просвещения, культуры татарского народа. Начало подъема культуры Казанских татар автор относит к концу XVIII – началу XIX века, когда большое внимание уделяется развитию науки, просвещения, языка. Обновление, поворот к новому, возрождение у мусульманских народов, в том числе и татарского, начинается с изменений в области культуры, вызывается внутренними потребностями татарского общества, а не какими-либо воздействиями со стороны, и лишь затем начинают восприниматься и влияния русской и западноевропейской культуры.

В книге Г.Баттала подробно освещается и состояние татарских медресе как старого, так и нового, «джадидистского» типа, отме-

чается роль Казанского университета в развитии культуры татар. В связи с этим дается оценка творчеству К.Насыри.

В разделе «Новая литература» историю татарской литературы он начинает рассматривать с болгарского периода. Говоря о литературе нового времени, перечисляет имена Ф.Карими, Г.Исхаки, Г.Камала, Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова, Ш.Камала, К.Тинчурина, М.Гали, Г.Тукая, М.Гафури, Дердменда, Н.Думава, С.Сунчала, Гыйффат туташ, М.Укмаси, Ш.Бабица, Н.Исанбета. Однако краткие обзоры творчества даны Ф.Амирхану, Г.Ибрагимову, Ш.Камалу, К.Тинчуру, С.Рамиеву, Дердменду, более полный обзор – Г.Тукаю. При характеристике литературы нового времени автор отмечает и роль «джадидизма» как широкого культурного явления. Во всех обзорах автор четко проводит мысль о том, что литература является выражением общественного сознания, частью общественно-политической истории народа. Как и труды А.Пыпина, Н.Тихонравова, книга Г.Баттала включает много сведений по истории татарского просвещения, науки, публицистики, истории религии.

Кроме Г.Баттала-Таймаса, труды, статьи, посвященные политической истории татар, истории татарской литературы, культуры, их современному состоянию, писал еще и Гаяз Исхаки. В них автор также придерживался принципов культурно-исторической школы в анализе и оценке литературно-художественных явлений, творчества отдельных представителей татарской литературы, культуры. Однако в статьях этого периода Г.Исхаки главное внимание обращал на национальный момент в известной формуле И.Тэна. Его беспокоил вопрос о судьбе нации, о национальной политике, насаждавшейся в период сталинизма. Анализируя литературные явления, Г.Исхаки рассматривал материал в основном в политическо-публицистическом аспекте.

Многие идеи, высказанные Гаязом Исхаки в 1920-1930-е годы относительно судеб татарской нации, развития национальной литературы, культуры в новых идеологических условиях в Советской России, созвучны идеям Г.Ибрагимова, выраженным в его статье «Каким путем пойдет татарская культура?», написанной в 1926 году в Казани. Г.Ибрагимова, как и Г.Исхаки, заботило будущее татарской культуры, сохранение ее национальной специфики. Г.Ибрагимов писал, что татарский народ, где бы он ни жил, представляет единый национальный коллектив. Подобные идеи повлекли за собой тяжелые для писателя последствия. В 1937 году он был

обвинен в «черном национализме» и в связях с белоэмиграцией, с Г.Исхаки и Ф.Туктаровым.

Отношения между Г.Ибрагимовым и Г.Исхаки в 1920-1930-е годы были резко антагонистическими, непримиримыми, между ними существовали сильные разногласия, шла скрытая и открытая полемика, о чем свидетельствует книга Г.Ибрагимова «Черные вехи, или Белоэмигрантская литература», написанная на татарском и русском языках и напечатанная в 1924 году в Москве, а также лекция «Белоэмигрантская литература», написанная на основе этой книги и прочитанная Г.Ибрагимовым в том же году. В ней содержится отрицательная оценка Г.Исхаки, как «представителя мусульманского шовинизма, как представителя белой литературы».

Литературно-критические взгляды Г.Исхаки дооктябрьского периода были исследованы в докторской диссертации Загидуллиной Д.Ф. Она показала влияние на Г.Исхаки идей культурно-исторической школы, отметила, что он был лидером «школы общественников», подчеркивая тем самым, что значительное место в работах Г.Исхаки отводилось фактору «среды» (И.Тэн).

О литературно-критической деятельности Г.Исхаки в годы эмиграции имеются отдельные монографические исследования (Сахапов М. Творчество Исхаки.— Казань: Мирас, 1997; Его же: Исхаки и татарская литература XX века.— Казань: Мирас, 1997; Миннегулов Х.Ю. Исхаки в эмиграции.— Казань: Таң-Заря, 1998; Мусин Ф.М. Гаяз Исхаки (Жизнь и деятельность).— Казань: Татар. книжн. изд-во, 1998, а также статьи этих и других авторов). В них отмечается преобладание в трудах Г.Исхаки национальных проблем. Г.Исхаки в годы эмиграции написал отдельные статьи о деятелях литературы и культуры, например, о Ш.Марджани (Шигабутдин Марджани // Казан утлары.— 1992.— №9.— С.184-188), Р.Фахретдинове (Муфти Ризаэддин хазрат // Казан утлары.— 1993.— №3.— С.122-135), о трагической судьбе Г.Тукая в связи с 25-летием со дня смерти поэта (В связи с 25-летием со дня смерти Г.Тукая // Казан утлары.— 1999.— №4.— С.182-186), а также статьи, посвященные современному состоянию и перспективам развития татарской литературы (Современное положение и наши задачи // Татарстан.— 1993.— №2.— С.65-67; Литература и печать в Татарстане // Мирас.— 1999.— №6.— С.27-29 и др.).

В выводах по данной главе диссертации отмечается, что татарские ученые Г.Ибрагимов, Дж. Валиди, Г.Губайдуллин, Г.Рахим, Г.Баттал в своих трудах по истории татарской литературы не ограничились рассмотрением вопросов периодизации, но старались определить качественные изменения в литературном процессе. Каждый из названных ученых большое внимание обращал на тот или иной этап в истории литературы, дополняя друг друга, но всех их интересовал этап возникновения литературы нового времени (Яңарыш чоры). Некоторые догадки были высказаны ими о потенциальном содержании литературы тех этапов, когда по той или иной причине нехватало материала для четкого определения конкретного протекания процесса развития.

Все эти моменты обогатили литературоведческую науку, стали базой для изучения истории литературы в последующие этапы.

В **Заключении** подведены итоги исследования.

1. Татарское Возрождение («Яңарыш») (М.Хасанов), начавшееся в XIX веке, продолжало свое поступательное развитие до конца 1920-х годов. Татарскую научно-литературную мысль 1920-х — первой половины 1930-х годов мы рассматриваем внутри единого национального литературного процесса, развивающегося под влиянием Возрождения, как закономерную часть его, как высшую точку для того времени. При всех противоречиях и трудностях роста это был новый качественный этап в развитии татарской литературоведческой мысли.

Из множества научных литературоведческих школ России, Европы в 1920-е годы самым сильным было влияние на татарскую литературоведческую науку культурно-исторической школы, под знаком которой и шло в основном развитие татарской литературоведческой науки.

2. В татарском литературоведении культурно-историческая школа формировалась в условиях господства марксизма в системе советского общества. Марксизм оказал и положительное, и отрицательное влияние на формирование и развитие культурно-исторической школы. Многие тезисы культурно-исторической школы совпадали с положениями классического марксизма. Сама идея о влиянии общественной жизни на литературу, социального организма на литературу была правильной, в этом плане марксизм

и положения культурно-исторической школы звучали в унисон. По мере вульгаризации положений марксистского учения, принципы культурно-исторической школы в литературоведении стали пониматься и применяться очень узко, прямолинейно, искаженно. Преобладание вульгарно-социологической методологии в советском литературоведении ограничивало и закрывало путь для дальнейшего развития принципов культурно-исторической школы.

3. Татарское литературоведение не противопоставляло принципам культурно-исторической школы принципы психологической, формальной, социологической школ, как это было в русском литературоведении, а, наоборот, стремилось их синтезировать. В татарском литературоведении 1920-х годов культурно-историческая школа развивалась в сложных взаимоотношениях с другими методами. Особенность развития татарской литературоведческой научной школы заключалась в том, что принципы культурно-исторической школы синтезировались, интегрировались с отдельными аспектами и положениями других научных направлений, школ (сравнительно-типологического (Г.Нигмати, Г.Сагди), социологического направления (Г.Ибрагимов, Г.Гали, Г.Нигмати), психологической (Х.Наум, Х.Вали, С.Утяш), формальной школы (Х.Вали) и др.).

4. Культурно-историческая школа не была явлением, искусственно насажденным на татарскую почву. Она органически, естественно возникла, выросла на основе национальных традиций предшествующих эпох и одной из ведущих особенностей культуры татар – ее все большей ориентации на западноевропейскую и русскую культуру. На формирование татарского научного литературоведения оказали воздействие как идеи Г.Курсави, Ш.Марджани, К.Насыри, Г.Фаезханова, Р.Фахретдинова и др., так и идеи И.Тэна, А.Пыпина, Н.Тихонравова, Г.Плеханова, Александра Н.Веселовского, Д.Овсянко-Куликовского и др. Эти разные по источникам идейные направления не были соединены механически в татарской науке, наоборот, на их основе возникло качественно новое явление – татарский вариант культурно-исторической школы.

Татарское литературоведение 1920-х – начала 1930-х годов активно развивало такие творческие принципы культурно-исторической школы, как учет связи литературного развития с политической историей, с историей общественной мысли, выделяя при этом роль доминантных исторических событий, оказавших существенное влияние на развитие художественной литературы.

Большое внимание было обращено татарскими учеными на другой важный принцип – на раскрытие национальной специфики художественной литературы. Это было особенно ценным в 1930-е годы, когда развивалась тенденция нивелировки национальных различий, национальных особенностей под влиянием ортодоксальной советской идеологии.

Следует отметить, что татарские литературоведы Дж.Валиди, Г.Рахим, Г.Газиз, Г.Ибрагимов, Г.Нигмати, Г.Сагди и др. особое внимание обращали на «среднее звено», т.е. на факторы, опосредующие влияние общественных условий на развитие литературы. Таким средним звеном ученые, критики считали изображение духовной атмосферы, которая создается в обществе на том или ином историческом этапе и которая оказывает непосредственное влияние на формирование творческой личности. Под понятием «духовная атмосфера» подразумевались социальная психология, общественное настроение, религиозные, нравственные, этические, эстетические взгляды, воззрения, культурный уровень общества.

5. Синтез различных научных подходов и методов в одном научном направлении определил такие особенности культурно-исторической школы в татарской науке, как комплексность и системность. Комплексность достигалась благодаря культурологическому подходу в изучении литературы. Г.Ибрагимов, Г.Сагди, Дж.Валиди, Г.Баттал, Г.Рахим, Г.Губайдуллин и другие в своих трудах явления литературы сопоставляли с другими явлениями культурного порядка, с другими культурными объектами (образованием, языковыми проблемами, религией и др.) и рассматривали ее, если употреблять современную терминологию, как одну из подсистем культуры.

6. В процессе развития татарского литературоведения в 1920-е годы ярко обнаружились две основные культурные ориентации: на Запад и на Восток, на русско-европейскую культуру и на культуру турецко-арабскую, культуру мусульманских народов. Две ориентации мы стремились показать на примере творчества Г.Нигмати и Г.Сагди. Однако такое деление относительно. В данном случае речь идет о лишь доминирующем влиянии. Между этими ориентациями не было «китайской стены», принципиального различия. И Г.Нигмати, и Г.Сагди фактически придерживались одних и тех же принципов.

Особое внимание Г.Нигмати придавалось философско-эстетическому осмыслению литературно-художественных явлений. У Г.Сагди преобладало компаративистское направление, сопоставление татарской литературы с другими тюркскими литературами. Обоих ученых характеризует культурологический план, широкое привлечение материала из области культуры при анализе литературы.

7. Варианты культурно-исторической концепции в трудах ученых Дж.Валиди, Г.Рахима, Г.Газиза, Г.Баттала, Х.Вали, Г.Тулумбайского, Г.Лотфи, а также писателей А.Шамова, Ф.Бурнаша, Х.Такташа, Х.Туфана, К.Наджми и др. рассматриваются и оцениваются при решении вопросов по следующим трем линиям: 1) собственная история татарской литературы, ее периодизация, критика (труды Дж.Валиди, Г.Губайдуллина, Г.Рахима); 2) литература как часть общественно-политической истории (труды Дж.Валиди, Г.Баттала); 3) отдельные частные проблемы литературоведения, такие, как проблемы литературных родов и видов, жанров, стиля, метода, направления, психологии творческого процесса, читательского восприятия (Х.Вали, Г.Тулумбайский).

Литературоведов 1920-х – начала 1930-х годов – Г.Ибрагимова, Дж.Валиди, Г.Рахима, Г.Губайдуллина, Г.Сагди, Г.Нигмати, Г.Баттала, Г.Тулумбайского, Х.Вали и других – отличает широта научных, культурных интересов. В поле их зрения оказались самые важные литературоведческие проблемы: предмет и функции литературоведения как науки, проблемы метода, стиля, жанров, проблема периодизации истории литературы и критериев определения качественных сдвигов в литературном процессе, проблемы психологии творчества и психологии восприятия, размышления о различных типах читателей и о разных типах читательского восприятия. В трудах, рассматривающих все эти вопросы, были такие моменты, которые не получили должного полного развития в то время, как бы оказались наметками перспектив дальнейшего изучения литературы.

Создание первых образцов истории татарской литературы в 1920-х – в начале 1930-х годов было большим достижением татарского культурно-исторического литературоведения.

8. Большим вкладом в развитие научной мысли явилась оригинальная разработка проблемы модернизма в татарской литературе, таких его течений, как символизм, футуризм, имажинизм.

Интересна была идея татарских исследователей (Г.Нигмати, Г.Сагди, Х.Вали, К.Наджми, Х.Туфан и др.) о том, что модернизм не был завершенным явлением, что он развивался на стыке различных художественных течений, взаимодействуя с различными художественными направлениями. Эта идея получила свое дальнейшее развитие в татарской науке начиная с 1960-х годов в трудах Г.Халита, Ю.Нигматуллиной, Р.Ганиевой, А.Саяповой, Д.Загидуллиной и др.

Ценными являются работы по конкретному анализу больших и менее значимых писателей того времени (Г.Ибрагимова, Г.Туккая, Ф.Амирхана, Дердменда, К.Наджми, Х.Туфана, А.Кутуя, молодых пролетарских поэтов), эти работы не потеряли своего значения до нашего времени.

9. Татарское литературоведение 1920-1930-х годов пережило определенную эволюцию. Наиболее ярко принципы культурно-исторической школы проявились в 1920-е годы. В 1930-е годы в науке начинает ощущаться сильное влияние официальной идеологии, происходит активизация элементов вульгарного социологизма. Тем не менее, принципы культурно-исторической школы помогли татарским литературоведам удержаться от полного подчинения положениям вульгарного социологизма.

10. Надо особенно подчеркнуть, что развитие научной мысли в этот период происходило с участием Татарского Академического центра, руководимого Г.Ибрагимовым, и членами которого явились многие вышеназванные татарские критики и литературоведы. Культурно-историческая школа сама стала основой для развития академической науки в Татарстане.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях автора:**

1. Татар әдәбият белемдә культура-тарих мәктәбе (Культурно-историческая школа в татарском литературоведении).— Казань: Издательство «Фэн» (Наука), 2002.— 360 с. (22,5 п.л.).
Рец.: 1.1. Галимуллин Ф. Яңа фәнни ачыш // Фәнни Татарстан.— 2002.— №2.— 94-96 б.б.
1.2.Саяпова А. Новое исследование о татарском литературоведении // Научный Татарстан.—2002.— №3-4.— С.190.
2. Новый подход к преподаванию татарской литературы в современной школе // Проблемы формирования основ педагогического мастерства (Материалы республиканской научно-практической конференции. Часть 1.).—Казань, 1995.—С.45-47.
3. Рыцарь света и свободы (К 100-летию со дня рождения Галимджана Ибрагимова) // Научный Татарстан.— 1997.— №1.— С.85-88.
4. Современные проблемы преподавания татарского языка и литературы в школах и гимназиях // Современная гимназия. Противоречия и перспективы развития. Тезисы докладов научно-практической конференции. Казань, 1997.— С.27-29.
5. Великий сын татарского народа (К 120-летию Гаяза Исхаки) // Научный Татарстан.—1998.— №1.— С.77-82.
6. Новое исследование о Дердменде (в соавторстве с Ч.Зариповой) // Научный Татарстан.—1998.— №2.— С.95-96.
7. О научных школах в татарском литературоведении 20-х годов // Научный Татарстан.— 1999.— №3.—С.70-72.
8. Формирование и развитие татарского литературоведения в 20-е – 30-е годы (истоки культурно-исторической школы) / Татарское возрождение. Эпоха и личности.—Казань: Изд-во «Фэн» (Наука).— 2000.— С.382-401.
9. Кыйссалардан, хикмәтләрдән күреклесе...(Об изучении поэмы Кул Гали «Сказание о Юсуфе и Зулейхе» в школе) //Мәгариф.—2000.—№9.—С.30-34.
10. Татар әдәбият белемдә культура-тарих мәктәбе: традицияләр һәм ориентацияләр (Культурно-историческая школа в татарском литературоведении: традиции и ориентации) // Фән һәм тел (Наука и язык).— 2001.— №1.— С.10-16; №2.— С.21-26.

11. 20-30 нчы еллар татар әдәбият белемдә культура-тарих мәктәбе: Көнбатышка йөз тоту (Культурно-историческая школа в татарском литературоведении 20-30-х годов : Западная ориентация // Милли мәдәният (Национальная культура). Татарский государственный гуманитарный институт. Ученый записки (Сборник). — 2001.— №1.— С.28-58.

12. Жырлы чишмәләр (Родники татарской литературы) // Казан утлары.— 2001.— №12.— С.177-180.

13. Г.Сәгъди — татар культура-тарих мәктәбе галиме (Г.Сагди — ученый татарской культурно-исторической литературоведческой школы) // Милли мәдәният. (Национальная культура). Татарский государственный гуманитарный институт. Ученые записки (Сборник).— 2002.—№2.— С.53-67.

14. Татар әдәбияты фәнненең ике йолдызы (Две звезды татарской литературоведческой науки) // Милли мәдәният (Национальная культура). Татарский государственный гуманитарный институт. Ученые записки (Сборник).— 2002.— №2.— С.4-24.

15. Жамал Вәлиди хезмәтләрендә мәдәни-тарихи концепция (Культурно-историческая концепция Джамала Валиди) // Фән һәм тел.—2002.— №2.— С.10-19.

16. Татар әдәбияты кафедрасының фәнни казанышлары (1920-1930 еллар) (Научные достижения кафедры татарской литературы Казанского государственного педагогического университета) // Фәнни Татарстан (Научный Татарстан).— 2002.— №1.— С.72-80.

17. Хәрәкәттәге мирас (Күренекле татар әдәбият галиме һәм тәнкыйтьчесе Галимжан Нигъмәтинен тууына 105 ел тулу унае белән) (Живое наследие. К 105-летию со дня рождения известного татарского литературоведа и критика Галимджана Нигмати) // Фәнни Татарстан.— 2002.— №3-4.— С. 164-172.